

ЧЕРКЕСЫ (АДИГЕ).

Печатаю настоящій очеркъ, составляющій одну изъ главъ приготовляемой къ изданію книги: «Кавказъ и его народы», считаю лишнимъ входить въ подробныя объясненія о необходимости изученія быта и жизни народовъ, при ознакомленіи съ ихъ исторією, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаю нужнымъ сказать нѣсколько общихъ словъ въ этомъ отношеніи.

Занятія мои, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, исторією кавказской войны и развѣтѣемъ въ край какъ русскаго владычества, такъ и началъ гражданственности, привели къ убѣжденію, что, только ознакомившись вполне съ бытомъ туземнаго населенія, можно указать на причины, вызвавшія какое-либо распоряженіе, то или другое историческое событіе. Только при такомъ знаніи можно критически отнестись къ фактамъ, сдѣлавшимся достояніемъ исторіи. При изложеніи исторіи кавказской войны, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, необходимо изученіе народнаго быта, потому что, какъ увидимъ впоследствии, отсутствіе такихъ свѣдѣній между административными дѣятелями велико многимъ ошибамъ, имѣвшимъ неблагоприятныя и серьезныя послѣдствія.

Тотъ, кто сталъ бы отрицать необходимость изученія народнаго характера, пусть объяснитъ, почему, напримѣръ, черкесы одинъ лѣтъ отстаиваютъ отчаянно, дерутся съ необыкновенною храбростью, и, если придется, ложатся поголовно подъ русскими штыками, а другой не защищаютъ вовсе? Почему тѣ же черкесы очень рѣдко защищаютъ аулъ, тогда какъ лезгины, напротивъ, обороняются въ своемъ аулѣ слишкомъ упорно?

Объясненіе этого явленія можно найти только въ особенностяхъ быта обоихъ народовъ.

Большая часть территоріи, населенной черкесскимъ племенемъ, от-

личается плодородіемъ, обиліемъ лѣса и воды. Поэтому, если жена, дѣти и имущество отправлены въ горы или въ безопасное мѣсто, то черкесь легко кидаетъ свою деревянную саклю и кусокъ обработанной имъ земли и, безъ сожалѣнія о нихъ, отправляется далѣе въ горы и въ мѣста доступныя мѣста. При умѣренности въ пищѣ и питъѣ и при способности переносить всѣ роды лишеній, черкесь знаетъ, что и на новомъ мѣстѣ найдетъ такой же хлѣбородный кусокъ земли для посѣва кукурузы, его питающей; найдетъ въ изобиліи лѣсъ для постройки сакли и будетъ имѣть такую же чистую воду и пастбище для быковъ. А для него болѣе ничего и не нужно. Черкесь защищается въ аулѣ только въ томъ случаѣ, когда находятся въ опасности его жена, дѣти и имущество. Тогда онъ дерется съ отчаяніемъ и скорѣе самъ погибнетъ, нежели уступить что-либо врагу.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется бытъ лезгина.

Мѣсто, занимаемое лезгинами, состоитъ, по большей части, изъ голыхъ, безлѣсныхъ и утесистыхъ скалъ, песчаного или гранитнаго свойства; страна отличается недостаткомъ воды и хорошихъ плодородныхъ земель. За неимѣніемъ лѣса, лезгинъ строить свою жилищну изъ камня; постройка ея стоитъ ему много труда, и потому лезгинъ защищаетъ свой аулъ отъ разоренія. Покидая его, онъ знаетъ, что не скоро найдетъ землю удобную для посѣва проса или кукурузы, необходимыхъ для его прокормленія; не найдетъ пастбищъ и корма для его скота, потому что повсюду видны однѣ безплодныя скалы; наконецъ, знаетъ и то, что для постройки сакли ему необходимо положить много труда и времени, и отъ того, только по необходимости, рѣшается на переселеніе. Эти особенности быта, съ одной стороны, вызывали и особенный характеръ военныхъ дѣйствій. Тотъ образъ войны, который былъ удобопріимимъ на правомъ флангѣ кавказской линіи и въ Чечнѣ, не могъ считаться хорошимъ въ Дагестанѣ или на лезгинской линіи. Съ другой стороны, изученіе народнаго характера важно и для администратора, чтобы, крутымъ поворотомъ, не нарушить прежнихъ привычекъ народа: подобныя обстоятельства часто, въ особенности на Кавказѣ, служили причиною не только волненій, но и вооруженныхъ возстаній.

Все это указываетъ на необходимость этнографическаго описанія племенъ, населяющихъ Кавказскій перешеекъ. Такъ какъ этнографическое описаніе составляетъ только необходимое вступленіе къ изложенію историческаго хода распространенія русскаго владычества въ край, то нѣтъ надобности забираться въ глубокую древность, искать происхожденія того или другаго народа, времени посе-

ленія его на мѣстахъ, нынѣ занимаемыхъ; совершенно достаточно ознакомиться съ характеромъ народовъ въ томъ положеніи, въ которомъ застали ихъ русскія войска и власть, впервые появившіяся на Кавказѣ.

Съ этой послѣдней точки зрѣнія и составленъ нижеслѣдующій очеркъ. Въ немъ большая часть свѣдѣній о бытѣ черкесовъ относится непосредственно къ періоду ихъ самостоятельности, до вступленія въ число русскихъ подданныхъ, а потому изложеніе написано въ прошедшемъ времени.

I.

Одежда черкеса, его жизнь и хищничество.—Черкесскія деревни, домъ и кунахская.—Гостепріимство и черкесскій этикетъ.—Пища черкеса и угощеніе привага.—Обычай куначества и усыновленія.

На самомъ высокомъ пунктѣ праваго берега рѣки Кубани, противъ устья рѣки Урупа, стоитъ крѣпость *Прочный Окопъ*. Господствуя надъ окружающею мѣстностью, онъ видѣнъ недалеко; равно и изъ него видно далеко за рѣку. Передъ крѣпостью, на противоположномъ берегу Кубани, разстилается необозримая зеленая равнина, ограниченная на отдаленномъ горизонтѣ темною полосой лѣсистыхъ горъ, изъ-за которыхъ бѣлѣется рядъ зубчатыхъ вершинъ главнаго кавказскаго хребта.

Рѣка Урупъ, съ ея притоками, вьется серебристыми лентами по равнинѣ, кажущейся издали совершенно гладкою, но, на самомъ дѣлѣ, перерѣзанною глубокими рытвинами, оврагами или балками, служившими удобнымъ мѣстомъ для укрывательства черкесовъ, выжидавшихъ случая прорваться въ наши границы. Хищникъ, вездѣ проницающій, трудно-уловимый, незнающій усталости, умѣющій терпѣливо сидѣть въ засадѣ, выжидать время, чтобы совершить убійство или похищеніе и почти всегда уходящій безвредно—таковъ былъ въ этомъ случаѣ характеръ черкеса, скрывавшагося въ балкахъ и оврагахъ, которыми изрѣзана кубанская равнина.

Начиная отъ р. Зеленчука и до Чернаго Моря, по теченію Кубани, тянется эта равнина на разстояніи до четырехъ сотъ верстъ въ длину и простираясь въ ширину до семидесяти верстъ. Здѣсь былъ полный разгулъ для конныхъ черкесовъ и для нашихъ линейныхъ казаковъ. Первые искали добычи, вторые гонялись за ними, оберегая линію. И тѣ и другіе отличались смѣлостью, ловкостью, нахвдничествомъ и смѣтливостью; оба уважали другъ друга и избѣ-

гами встрѣчи, но, встрѣтившись, не отступали и не просили пощады....

Все существованіе черкеса сложилось такъ, что безъ хищничества не было для него жизни, не было удовольствій въ настоящемъ, не было блаженства и въ будущемъ мірѣ. Выводивъ хорошо своего коня, выдержавъ его нѣсколько часовъ безъ корма и привавъ на помощь *зейдута*, божество, по понятію народа, покровительствующее наѣзднякамъ, черкесь отправлялся на хищничество или одинъ, чаще же въ компаніи, состоявшей изъ нѣсколькихъ человекъ.

Одежда черкеса состояла изъ мохнатой бараньей шапки, обшитой галуномъ и прикрывавшей бритую его голову; изъ *беишета*, черкески, ноговицъ и сафьяныхъ чевяковъ, по преимуществу красныхъ (*). Все это отличалось хорошимъ вкусомъ, изяществомъ покроя, въ особенности чевяки, обувь безъ подошвы. На послѣднюю черкесы обращали особенное вниманіе въ своемъ нарядѣ. Чевяки шьются обыкновенно нѣсколько меньше ноги и, передъ надѣваніемъ, предварительно размачиваются въ водѣ, натираются внутри мыломъ и, сырые, натягиваются на ногу, подобно перчаткамъ. Надѣвшій новые чевяки, долженъ выждать, лежа, пока они, высохнувъ, примутъ форму ноги. Подъ чевяки въслѣдствіи подшиваютъ самую легкую и мягкую подошву.

Весь костюмъ черкеса и его вооруженіе приспособлены были какъ нельзя лучше къ наѣзничеству и къ конной драгѣ. Бурочный чохолъ скрывалъ его винтовку отъ нечистоты; она закидывалась за спину и ремень къ ней былъ пригнанъ такъ, что черкесь легко заряжалъ ее на весь снакъ, стрѣлялъ и потомъ перекидывалъ черезъ лѣвое плечо, чтобы обнажить шашку. Последнее оружіе черкесь особенно любилъ и владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Черкеская шашка остра какъ бритва, страшна въ рукахъ наѣздняка и употреблялась имъ не для защиты, а для нанесенія удара, который почти всегда бывалъ смертеленъ. Онъ носилъ шашку въ деревянныхъ, обтянутыхъ сафьяномъ, ножнахъ и пригонялъ тагъ, чтобы она не беспокоила его во время ѣзды. За поясомъ заткнуты были два пистолета и широкій кинжалъ, неразлучный его спутникъ даже и въ домашнемъ быту. На черкесѣ, по обѣимъ сторонамъ груди, пришиты были кожаныя гнѣзда для ружейныхъ патроновъ, помѣщаемыхъ въ *казырляхъ*—деревянныхъ гильзахъ. На поясѣ висѣла жирница, отвертка и небольшая

(*) Крестьяне носятъ иногда *кобенекъ*, родъ куртки изъ холста (см. „На холмѣ“ Каламбіа. „Русскій Вѣст“. 1861 г. № 11).

сунка, наполненная разнаго рода вещами, дозволившими всаднику, не слѣзая съ лошади, вычистить оружіе.

Несмотря на то, что черкесъ былъ съ ногъ до головы обвѣшанъ оружіемъ, оно пригонялось такъ, что одно оружіе не мѣшало другому; ничто на немъ не бряцало, не болталось, а это было весьма важно во время ночныхъ набѣговъ и засадъ. Его шапка, покоившаяся въ сафьянныхъ *нахавахъ* (ножны), не звучала; его винтовка, скрытая въ бурочномъ чехлѣ, не блестяла; его чевякъ, мягкій и гибкій какъ лапа тигра, не стучалъ; его конь, охлажденный ножемъ кастратера, не ржалъ на засадѣ, и, наконецъ, его языкъ, скудный гласными буквами и составленный изъ односложныхъ словъ, не издавалъ рѣзкихъ звуковъ при сговорѣ, сопутствовавшемъ ночному нападению.

Все пезатѣйливое хозяйство въ походной, скитальческой жизни черкеса находилось при немъ. Отвертка винтовки служила огнивомъ, кремль и трутъ висѣли у него на поясѣ, въ кожаной сумкѣ. Въ одной изъ патронныхъ гильзъ положены были сѣрныя нитки и куски смолистаго дерева, для быстрого разведенія огня. Рукоять плети и конецъ шапки обитаны бумажною матеріею, напичтанною воскомъ; скрутивъ ее, онъ имѣлъ свѣчку. Богатый черкесъ носилъ всегда въ карманѣ *кабаларъ* (бусоль), чтобы знать направленіе, куда слѣдовало обращаться лицомъ во время молитвы. Хорошо выдержанный конь его былъ отлично выѣзженъ и повиновался уздечкѣ въ совершенствѣ. Онъ не боялся ни огня, ни воды. Черкескіе наѣзники шпоръ не употребляли, но погопили лошадь тонкою плетью, съ привязаннымъ на концѣ ея плоскимъ концомъ кожи, для того чтобы при ударѣ не причинять лошади боли, а только понукать ее хлопаньемъ плети.

Сѣдло черкеса было легко и покойно, не портило лошади даже и тогда, когда по цѣлымъ недѣлямъ оставалось на ея спинѣ. Встрѣчая часто непріятеля въ засадѣ, спѣшенный, онъ возилъ за сѣдломъ *присошки*, сдѣланныя изъ тонкаго и гибкаго дерева; за сѣдломъ висѣли небольшой запасъ продовольствія и *тренона*, безъ которой ни одинъ наѣзникъ не выѣзжалъ изъ дому.

Разборчивый вкусъ черкеса, нетерпѣвшій ничего тяжелаго и пекучаго, положилъ свою печать и на присошкѣ. Два тонкіе деревянные прута, обдѣланные по концамъ костью и связанные на верху ремешкомъ—вотъ черкескія *присошки*. Онѣ имѣютъ видъ циркуля, иглы котораго втыкаются въ землю, а наверхъ кладется ружье. Присошка легка и удобна въ употребленіи; если черкесу не было мѣста

пристегнуть ее къ сѣдлу, онъ пристегивалъ къ ружейному чехлу, и она не мѣшала ни на волосъ ни пѣхотинцу, ни всаднику.

По лѣсамъ и оврагамъ пробирался черкесь на хищничество; ѣхалъ ночью, а днемъ отдыхалъ, скрывался и караулил стреноженнаго коня. Черкесы, какъ и вообще все горцы, употребляли весьма простой, но практичный способъ спутывать лошадей треногами, отнимавшими у нихъ способность дѣлать большіе прыжки и уходить далеко. «Тренога состоитъ изъ двухъ широкихъ сыромятныхъ ремней, одного длиннаго, а другаго короткаго, связанныхъ между собою въ видѣ латинскаго *T*; на концахъ этихъ ремней находятся петли, изъ узкихъ ремешковъ, застегиваемыя на костяныя чеки. Короткимъ ремнемъ спутываются обѣ переднія ноги, нѣсколько выше копыта, а концемъ длиннаго ремня обвязывается одна изъ заднихъ ногъ выше колѣна» (*). Петли съ чеками позволяли снять тренугу въ одно мгновеніе, при первой неожиданной тревогѣ.

Полѣвши сухаго чурка, партія хищниковъ ложилась отдыхать; одинъ стерегъ лошадей, другой съ высоты наблюдалъ за окрестностію и, «по полету и крику птицъ, заключалъ довольно вѣрно о томъ, что происходило въ непроницаемой глубинѣ лѣса; и этихъ примѣтъ было достаточно для того, чтобы знать приближаются ли люди».

Въ такой тревогѣ проводилъ черкесь всю свою жизнь. Онъ не хлопоталъ ни о теплой савѣ, ни о мягкой постели, ни о вкусномъ и сытномъ обѣдѣ. Бурка замѣняла ему теплую хату, защищала отъ дождя и непогоды; сѣдло служило изголовьемъ, а обѣ обѣдѣ онъ не думалъ, вполне надѣясь на гостепріимство своихъ соотечественниковъ. Не имѣя вовсе продовольствія и остановившись гдѣ-нибудь въ лѣсу, партія хищниковъ отправляла, бывало, одного изъ своихъ членовъ въ ближайшій аулъ, который, по обычаю, снабжалъ странниковъ молокомъ, просомъ и баранами, оставляя ихъ по близости отъ мѣста расположенія партіи и, по черкескому этикету и вѣжливости, не стараясь узнать: изъ кого именно состоитъ партія, откуда и зачѣмъ она пришла въ этотъ лѣсъ? Таковъ былъ обычай, выведенный изъ практической жизни черкеса. Если случалось потомъ, что партія эта причиняла вредъ русскимъ или отгоняла скотъ изъ сосѣдняго аула, то жители, покровительствовавшіе и кормившіе партію, не выдавъ никого въ лицо, съ чистою совѣстію показывали, что не знаютъ кто были хищники. Послѣдніе не разбирали ни пра-

(*) Воспоминанія кавказскаго оециера. „Русскій Вѣстникъ“ 1854 г. № 10. См. также Кавказъ 1855 г. № 34.

ваго, ни виноватаго. Черкескій хищникъ отгонялъ скотъ и у своего сосѣда, если представлялся къ тому случай. Такъ, когда въ 1848 году за Кубанью строилось укрѣпленіе, то князь одного изъ ближайшихъ ауловъ постоянно снабжалъ отрядъ мясомъ за очень умѣренную цѣну. Впослѣдствіи оказалось, что онъ съ товарищами хищнически угонялъ скотъ у своихъ подвластныхъ, и не возбуждалъ въ нихъ этимъ негодованія къ себѣ, потому что кража производилась ловко (*).

При осторожности жителей, хищничество не всегда удавалось; случалось часто, что, за украденнаго коня или быка, хищникъ платилъ жизнь или увѣчьемъ. Но въ трудности состояла и вся слава хищника, дававшая молодому черкесу вѣсъ и уваженіе. Его начинали приглашать на всѣ воровскія предпріятія; отличившійся въ набѣгахъ собиралъ самъ партіи, и количество собранныхъ подъ его начальство участниковъ было лучшею вывѣскою его достоинства. Посвящая себя на такую жизнь, онъ похищенныхъ быковъ, барановъ и лошадей раздавалъ знакомымъ, потому что истый молодецъ долженъ былъ имѣть щедрую руку, а самъ ходить оборваннымъ, питаться по знакомымъ и проводить молодость въ тревогахъ и набѣгахъ.

Полуодѣтый, съ обнаженною грудью и руками голыми до локтей, съ косматою шапкою на головѣ и буркою на плечахъ—таковъ былъ типъ настоящаго хищника. Только три вещи: ружье, обувь и кинжалъ, безъ которыхъ нельзя было жить въ горахъ, бывали у него исправны, а все остальное висѣло въ лохмотьяхъ.

Страсть къ хищничеству была у черкесовъ повсемѣстна. Но не одна жажда добычи побуждала черкеса къ разбою и грабежу: слава заставляла его ходить на хищничество. Желаніе приобрести извѣстность, сдѣлаться храбрымъ *джигитомъ* (витяземъ), прославиться своею удалью, не только въ одномъ какомъ-нибудь селеніи, но въ цѣломъ обществѣ, въ долинахъ и по горамъ, составляли его цѣль, его желаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лучшую награду переносимыхъ трудовъ. Во многихъ случаяхъ черкесь брался за оружіе, не зная отдыха, презиралъ опасностью во время хищничества и боя, для того только, чтобы стать героемъ пѣсни, предметомъ былинъ и длиннаго разсказа у очага бѣдной сакли, а этого нелегко было достигнуть при врожденной скромности черкесовъ и отсутствіи хвастовства и самохвальства. Извѣстность богатыря распространяла около него очарованный кругъ безнаказанности. Быть удалцомъ значило быть аристократомъ; только одинъ разбой давалъ дипломъ на почтеніе и

(*). Баронъ Сталь. „Этнографическій очеркъ черкесскаго народа (рукоп.) Воен. уч. арх. глав. штаба.

уваженіе; воровство и мошенничество считалось лучшею похвалою горцу (*).

Терпѣніе, настойчивость, смѣлость и самоотверженіе въ хищничествѣ были изумительны. Въ этой страсти примѣшалась впоследствии политическая идея, и воровство приняло религіозный характеръ. Съ 1835 года хищники приняли названіе *хаджиретовъ*; воровство въ русскихъ предѣлахъ считалось дѣломъ душевспасительнымъ; смерть въ нашихъ границахъ давала павшему въ бою вѣнецъ *шайда*, или мученика. Набѣги стали чаще и отличались своею дерзостію. Съ наступленіемъ ночи, переправившись за Кубань, черкесы проскакивали далеко въ наши предѣлы, неожиданно нападали на селенія, грабили оплошныхъ жителей, отгоняли скоть, захватывали плѣнныхъ и къ утру, переправившись опять за Кубань, скрывались среди мирныхъ ауловъ и, при ихъ содѣйствіи, добыча быстро уходила въ глубь страны, отъ одного аула къ другому. Преслѣдовать, а еще болѣе поймать хищниковъ было крайне затруднительно: за Кубанью они были дома. Почти у самаго лѣваго берега этой рѣки, широкое пространство между Кубанью и горами было густо заселено небольшими группами черкесскихъ ауловъ. На каждой верстѣ можно было встрѣтить два и три двора, обнесенные оградами (**).

Замѣтивши на горизонтѣ вучу сѣроватыхъ бугорковъ, приподнимающихся иногда не болѣе какъ на сажень отъ земли, а иногда и просто сливающихся съ земною поверхностію, и слѣдуя по направленію замѣченнаго, путешественникъ пріѣзжалъ къ черкескому селенію. Кабардинскіе аулы издали отчасти похожи на русскія деревни, но, присмотрѣвшись хорошенько, и въ нихъ не найдешь никакого сходства: сакли раскинуты поодиночкѣ или группами по разнымъ направленіямъ, безъ всякой претензіи и понятія объ улицахъ. Въ постройкѣ сакль нѣтъ и не было ничего общаго: одна сложена изъ земли и камней и покрыта тою же землею и тѣми же камнями; другая построена изъ турлука и обмазана съ обѣихъ сторонъ глиною, пережѣпанною съ рубленсю соломою. Крыша покрыта тою же соломою или камышемъ и образуетъ вокругъ дома навѣсъ фута на четыре. Черкесъ любилъ жить отдѣльно, уединенно, и потому выбиралъ себѣ мѣсто для усадьбы далеко отъ сосѣда, гдѣ-нибудь между деревьями, которыми была такъ обильна его родина. Отъ того весьма часто аулъ разбросанъ былъ на значительное разстояніе вдоль

(*) Н. Берзеновъ. Изъ воспоминаній объ Осетіи. Кавказъ 1851 г. № 92.

(**) Бутковъ „Общія замѣчанія о закубанцахъ“ (рукоп.). Военно-ученый архивъ главнаго штаба.

высокаго и крутаго берега рѣки, прислоняясь тыломъ къ дремучему лѣсу, доставлявшему жителемъ вѣрное спасеніе въ случаѣ нападенія русскихъ войскъ.

Главный домъ черкеса состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ съ низкими дверьми и маленькими окнами безъ стеколъ и весьма рѣдко затянутыхъ пузыремъ. Плотно запираемые ставнями окна служили болѣе для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается на дворѣ, чѣмъ для освѣщенія комнатъ; главный свѣтъ проходилъ черезъ двери, растворенныя настѣжъ лѣтомъ и зимою. Въ дверяхъ не было ни запоровъ, ни замковъ; на ночь двери запирались и заколачивались изнутри деревянными клиньями, отчего въ аулахъ каждый вечеръ поднимался всеобщій стукъ, заканчивавшій собою дневную дѣятельность его жителей. Около одной изъ стѣнъ комнаты устроено было полукруглое или четырехугольное углубленіе въ землѣ для огня, надъ которымъ висѣла высокая труба, сдѣланная изъ плетня, обмазаннаго глиною; полъ земляной, но такъ хорошо убитый, что не давалъ пыли. Вокругъ печи придѣланы полки, а иногда повѣшенъ цѣлый шкафъ, на полкахъ котораго становилась домашняя утварь и посуда, а оружіе и одежда вѣшались на гвоздяхъ. Широкія низкія кровати, покрытыя войлокомъ и коврами, и небольшіе круглые столы, разставленные по разнымъ мѣстамъ комнаты, составляли всю мебель туземца, а стоявшая на дворѣ четырехугольная маленькая, на двухъ колесахъ, арба, запрягаемая парю воловъ, его экипажъ. Вдоль стѣнъ, на полкахъ, ставилась, какъ украшеніе, европейская посуда, и если хозяинъ былъ человекъ зажиточный, то колонна тарелокъ, ничѣмъ не покрытая и разложенная на самомъ видномъ мѣстѣ полки, свидѣтельствовала о его достаткѣ (*).

Хозяинъ, его жены и взрослые дѣти имѣли свое отдѣльное помѣщеніе; но посторонній человекъ никогда не проникалъ въ эти отдѣленія, посвященные исключительно семейной жизни; если же при этомъ хозяинъ былъ человекъ богатый, то онъ укрывалъ свою семью отъ посторонняго глаза особымъ заборомъ, которымъ обносилъ сады и хозяйственныя постройки. Постройки эти состояли изъ кладовой и хлѣва для овецъ. Кладовая раздѣлялась на четыре закрома для различныхъ сортовъ хлѣба и, въ предохраненіе отъ мышей, устраивалась такъ, чтобы полъ ея не касался земли. Одинъ и тотъ же дворъ, огороженный плотнымъ тыномъ, заключалъ въ себѣ всѣ три

(*) О природѣ и хозяйствѣ Кабарды см. Т. Г. Баратова. Кавказъ 1860 г. № 73. О гостепримствѣ у черкесовъ. Кавк. 1859 г. № 7. Воспоминанія лавказскаго ошцера. „Рус. Вѣст.“. 1864 г. № 10. Кавк. 1855 г. № 34.

строения. Рядомъ съ нимъ находились огороды, гдѣ черкесы сѣяли пшеницу, рожь, но преимущественно просо и кукурузу. Огороды окружены были деревьями и рощами, составлявшими для черкеса первую необходимость.

Внѣ ограды или забора у богатыхъ, и въ дальнемъ углу ея у бѣдныхъ, строился *хаджичижъ* — приемный домъ для гостей, или *кунахская*. Самая значительная часть имущества, и лучшая его часть, шла у черкеса на убранство этой комнаты. Домъ для гостей строился, по возможности, на удобномъ мѣстѣ, огораживался частоколомъ или плетнемъ, оставляя чистый дворъ, обсаженный нерѣдко вѣтвистыми деревьями, подъ тѣнью которыхъ гость могъ бы укрыться отъ лѣтняго зноя. Люди со средствами устраивали другой такой же домъ, меньшихъ размѣровъ, внутри семейной ограды, и этотъ послѣдній назначался для приема исключительно однихъ только родственниковъ или самыхъ близкихъ знакомыхъ. При кунаской устроена была конюшня, а за оградю врытъ столбъ (коновязь) для привязыванія лошадей; надъ столбомъ небольшой круглый навѣсъ для предохраненія сѣдла отъ дождя и лошади отъ зноя.

Устройство кунаской и ея убранство не отличалось ничѣмъ отъ устройства обыкновенныхъ черкесскихъ домовъ; только камышевыя циновки, ковры, тюфяки и подушки, составлявшія самую значительную и роскошную часть домашнихъ принадлежностей черкеса, свидѣтельствовали о заботѣ хозяина сдѣлать это помѣщеніе, по возможности, роскошнымъ и удобнымъ.

По одной стѣнѣ комнаты ставился невысокій диванъ съ подушками, покрытый узорчатой циновкой; въ стѣнѣ, надъ диваномъ, было вбито нѣсколько деревянныхъ гвоздей или колышковъ; на одномъ изъ нихъ обыкновенно висѣла скрипка или балалайка о двухъ струнахъ, на другомъ нѣчто въ родѣ лиры о двѣнадцати струнахъ, а остальные гвозди предназначались для размѣщенія на нихъ сѣдла, оружія гостя и другихъ походныхъ его принадлежностей. Длинная дубовая скамья, передвигаемая, по мѣрѣ надобности, съ мѣста на мѣсто, отъ одной стѣны къ другой, составляла единственную мебель компаты. Мѣдный кувшинъ съ тазомъ для омовенія и *намазлыкъ*, шкура дикой козы, или небольшой коврикъ, на который мусульмане становятся на колѣняхъ во время молитвы, составляли необходимую принадлежность каждой кунаской. Стеганыя ситцевыя или изъ синей бумажной матеріи одѣяла, вмѣстѣ съ подушками и коврами, грудю складывались въ одномъ углу комнаты. Слабый свѣтъ *чачьхури* — плшка въ которой горитъ жиръ — слабо освѣщала кунаскую, часто со-

стоявшую изъ одной лемнаты, раздѣленной надвое верблюжьимъ сукномъ. Каждый хозяинъ сколько заботился о чистотѣ кунахской, столько же и о доставленіи, по возможности, всѣхъ удобствъ гостю.

Гостепрѣимство развито было между черкесами въ самой широкой степени и составляло одну изъ важнѣйшихъ добродѣтелей этого народа. Гость былъ священною особою для хозяина, который обязывался угостить, охранить его отъ оскорбленій и готовъ былъ жертвовать для него жизнью, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ преступникъ или кровный его врагъ. Стоило только преступнику ввалиться въ первую встрѣтившуюся ему савлю—и онъ подъ защитою, онъ безопасенъ отъ преслѣдованій.

— Благословеніе на домъ и жену твою! говорилъ незнакомецъ, входя въ савлю. Во имя славныхъ дѣлъ твоихъ, съдой джигитъ (визаа), требую гостепрѣимства, сѣдла и бурки....

— Голова моя, отвѣчалъ хозяинъ, и зарядъ за друга или недруга. Ты гость мой и, стало быть, властелинъ мой.

Каждый путешествующій черкесь останавливался тамъ, гдѣ застигала его ночь, но предпочиталъ остановиться у знакомаго, и притомъ человека достаточнаго, такого, которому не было бы слишкомъ обременительно угостить прѣзжаго.

Если ѣдушихъ было много, то они, останавливаясь на ночлегъ, раздѣлялись на нѣсколько партій, которыя и расходились по сѣдямъ.

Хозяинъ, заслышавъ издали о прѣздѣ гостя, спѣшилъ къ нему навстрѣчу и держалъ стремя, когда тотъ слѣзалъ съ лошади. Въ глазахъ каждаго черкеса не было такихъ поступковъ и услуги, которыя могли бы унижить хозяина передъ гостемъ, какъ бы велика ни была разница въ ихъ общественномъ положеніи. Званіе хозяина, точно также какъ и гостя, здѣсь не играло никакой роли, и только нѣкоторые самые незначительные отгѣнки дѣлали разницу въ пріемѣ болѣе рѣдкаго или почетнаго гостя отъ обыкновеннаго. Едва только гость слѣзалъ съ лошади, какъ хозяинъ прежде всего снималъ съ него ружье и вводилъ въ кунахскую, указывая тамъ мѣсто, обложенное коврами и подушками, въ самомъ почетномъ углу комнаты. Здѣсь снимали съ прѣзжаго все остальное оружіе, которое или развѣшивалось въ кунахской, или относилось въ домъ хозяина. Последнее обстоятельство имѣло у черкесовъ двойное значеніе: или что хозяинъ бралъ, по дружбѣ, на себя всю отвѣтственность за безопасность гостя въ домѣ, или что, не зная его, не очень ему довѣрялъ.

По принятому обычаю, въ саклѣ тотчасъ же разводился огонь, и чѣмъ больше было огня въ очагѣ, тѣмъ больше почета для гостя. Если гость былъ важнаго происхожденія, какой-нибудь князь, пріѣхавшій къ другому князю, и имѣлъ за собою многочисленную свиту, то онъ обыкновенно останавливался у князя только въ томъ случаѣ, если у него не было гостей, а въ противномъ случаѣ располагался у одного изъ старшихъ подвластныхъ князю. При пріѣзжѣхъ оставались старшіе его спутники и человека два-три самыхъ младшихъ; прочая свита расходилась по домамъ остальныхъ жителей аула.

Гости принимали съ тѣмъ радушіемъ, которымъ отличаются вообще все горцы. Пріѣзжій могъ оставаться въ гостяхъ сколько ему было угодно, но приличіе требовало не засиживаться слишкомъ долго. Войдя въ саклю, гость, во все время пребыванія въ ней, находился на рукахъ и попеченіи о немъ хозяина, который обязанъ былъ предохранять его отъ всякой неприятности и угощать вмѣстѣ со свитою, какъ бы многочисленна она ни была. Для почетнаго гостя хозяинъ рѣзалъ барана, а иногда и штуку рогатаго скота. «Добрый хозяинъ, говоритъ черкеская поговорка, обязанъ доставить гостю сытный столъ, хорошій огонь и обильный фуражъ». Мысль о томъ, что скажутъ о немъ гости по возвращеніи въ свою сторону, преслѣдовала хозяина; день и ночь онъ хлопоталъ о гостѣ, стараясь быть при немъ безотлучно и лишь оставлялъ его на нѣсколько минутъ для того, чтобы заглянуть: сыты-ли и накормлены-ли лошади пріѣзжихъ. Все это дѣлалось безъ всякой мысли о вознагражденіи, изъ одного убѣжденія, что онъ исполняетъ завѣтъ отцовъ и долгъ гостепримства. Взять подарокъ отъ гостя значило навлечь на себя всеобщее презрѣніе, да и самъ гость не предлагалъ его, боясь оскорбить тѣмъ хозяина.

Усѣвшись на почетномъ мѣстѣ, пріѣзжій, какъ водится у черкесовъ, проводилъ нѣкоторое время въ глубокомъ молчаніи; хозяинъ и гость, если они были незнакомы, разсматривали другъ друга съ большимъ вниманіемъ. Промолчавъ нѣсколько мгновеній, пріѣзжій осведомлялся о здоровьѣ хозяина, но считалъ неприличнымъ спрашивать о женѣ и дѣтахъ. Съ другой стороны, несмотря на то, что черкесы крайне любопытны, они считали нарушеніемъ правилъ гостепримства закидывать гостя вопросами: откуда онъ пріѣхалъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ; гость, если желалъ, могъ сохранить полное инкогнито. Во все время пребыванія своего въ гостяхъ, пріѣзжій избавлялся отъ всякой услужливости своему хозяину, точно также какъ и самъ не составлялъ предмета любопытства для семейства хозяина. Но за то, во

все время пребыванія въ чужомъ домѣ, гость, по обычаю страны, оставался какъ-бы прикованнымъ къ мѣсту: встать, прохаживаться по комнатамъ было-бы не только отступленіемъ отъ приличій, но многимъ изъ его соотечественниковъ показалось бы даже и преступленіемъ.

Усадивши гостя на самое почетное мѣсто и получивъ отъ него привѣтствіе, хозяинъ спрашивалъ его о здоровьѣ только тогда, если прїѣзжій ему былъ знакомъ, а въ противномъ случаѣ дѣлалъ этотъ вопросъ не ранѣе того, какъ гость объявлялъ свое имя. Тогда хозяинъ приглашалъ его снять съ себя верхнюю одежду, обувь, всё остальные доспѣхи и отдохнуть. Между тѣмъ, въ промежутокъ времени до ужина, считалось неприличнымъ оставить гостя одного, и потому къ нему являлись, одинъ за другимъ, сосѣди хозяина съ привѣтствіемъ. Если гость былъ родственникъ или особо-уважаемое почетное лицо, то къ нему приходила дочь хозяина, а за нею приносилось блюдо съ сушеными плодами и разными овощами. Въ нѣкоторыхъ обществахъ существовало еще обыкновеніе или патриархальный обычай, по которому дочь хозяина должна была умыть ноги странника.

«Когда мы усѣлись на приготовленныхъ для насъ мѣстахъ, говорить г. Т., посѣтавшій горы (*), и сняли обувь, въ кунахскую вошла молодая дѣвушка съ полотенцемъ въ рукахъ, за которою служанка несла тазъ и кувшинъ съ водой. Въ то мгновеніе, когда она остановилась передо мною, кто-то бросилъ въ огонь сухаго хворосту, и яркій свѣтъ, разлившійся по кунахской, озарилъ дѣвушку съ ногъ до головы. Она покраснѣла, улыбнулась, и молча наклонившись къ своимъ ногамъ, налила на нихъ воды, покрыла полотенцемъ и пошла къ другому исполнять свою гостепріимную обязанность. Между тѣмъ, свѣтъ становился слабѣе, и она скрылась въ дверяхъ тихо, плавно, подобно видѣнію. Болѣе я ея не видалъ».

Починъ всякаго дѣла шелъ отъ гостя. Онъ начиналъ разговоръ и просилъ присутствующихъ садиться; тѣ сначала отказывались, считая неприличнымъ сидѣть въ присутствіи гостя, но потомъ старшіе по лѣтамъ уступали вторичной просьбѣ и садились, а младшіе, стоя, разиѣщались вокругъ комнаты. Во время разговора, по обычаю, гость обращался исключительно къ почетнымъ лицамъ или старшимъ по лѣтамъ, и мало по малу разговоръ дѣлался общимъ. Общественные интересы страны, внутреннія происшествія, свѣдѣнія о мирѣ или войнѣ, подвиги какого-нибудь князя, приходъ судовъ къ черкесскимъ берегамъ и другіе предметы, заслуживавшіе вниманія, состав-

(*) „Русскій Вѣстникъ“ 1864 г. № 11.

ляли содержание разговора и были единственнымъ источникомъ, изъ котораго почерпались всё черкескія новости и свѣдѣнія. Въ разговорѣ соблюдалось самое тонкое приличіе, придающее черкесамъ, при обращеніи между собою, видъ благородства и благопристойности (*).

Появленіе прислуги, или сыновей хозяина, или, наконецъ, его соседей съ умывальницею и тазомъ, для умовенія рукъ, служило знакомъ того, что ужинъ готовъ.

Вслѣдъ за умываніемъ вносились въ кунахскую небольшие кругленькіе столики о трехъ ножкахъ. Столики эти извѣстны у черкесовъ подъ именемъ *амы*, слово составное: *а*—значить рука, *мы*—глаза, т. е., что на нихъ обращаются глаза и руки всѣхъ кушавшихъ. Черкесы были всегда чрезвычайно умирены въ пищѣ: ѣли мало и рѣдко, особенно во время походовъ и передвиженій. «Печали желудка — говорить народная пословица — легко забываются, а не скоро лишь муки сердечныя».

За то на званныхъ обѣдахъ, праздникахъ и угощеніяхъ они впадали въ другую крайность: ѣли и пили на столько много, что надо было удивляться вмѣстимости ихъ желудковъ. Въ такихъ случаяхъ пища черкесовъ бывала довольно разнообразна. Въмѣсто хлѣба употребляли *паста* — густо-свареную просяную кашу, которою окружаютъ кушанья; круто-свареная, она рѣжется лоптями. Хлѣбъ если и употреблялся въ пищу, то большею частью просяной. Просо составляло исключительную принадлежность черкесскаго стола: изъ проса приготовляли *халтхунс* — супъ или похлебку съ бараниной, и *мажсыма* — бузу или брагу, которую пили вмѣсто вина, запрещеннаго магометанскимъ закономъ (**). Пища абадзеховъ состояла лѣтомъ изъ проса и молока, а зимою ѣли просо, сыръ и соленую баранину; за недостаткомъ проса, абадзехи часто питались тыквою. Вообще пища черкесовъ состояла изъ говядины, баранины и конины (преимущественно молодыхъ жеребятъ), которыя солились и сушились съ осени и были запасаемы до мая мѣсяца. Съ мая же до октября употребляли въ пищу кислое молоко, сыръ и растительные продукты. Ку-

(*) Этнограф. очерки черкеск. народа. Варона Сталя (рукоп.). Отъ Зауралья до Закавказья г. Вердеревскаго. Кавказъ 1855 г. № 30. О природѣ и хозяйствѣ Кабарды кн. Т. Г. Варагова. Кавказъ 1860 г. № 73. „Замѣчанія на статью Законы и обычаи кабардинцевъ“ Ханъ-Гирей. Кавк. 1816 г. № 10. О гостепримствѣ у черкесовъ. Кавказъ 1859 г. № 7. О кавказской линіи Дебу; изд. 1829 года. Записки русскаго овиц. Кавк. 1852 г. № 1 и 2.

(**) Буза готовится изъ проса, съ прибавленіемъ въ нее, послѣ броженія, меда.

шанье подавалось чисто и опрятно; молоко черкесы ѣли деревянными ложками; говяжий отваръ, или бульонъ, пили изъ деревянныхъ чашекъ, а все остальное ѣли руками, употребляя пальцы вмѣсто вилокъ и ложекъ. Каждое блюдо подавалось на особомъ столикѣ, безъ тарелокъ, которыя, какъ мы видѣли, употреблялись только для украшенія комнатъ и разставлялись по стѣнамъ.

Зарѣзанный для почетнаго гостя баранъ варился въ котлѣ цѣликомъ, за исключеніемъ головы, ногъ и печени, и, окруженный этими принадлежностями, приправленный разсолонъ, подавался на одномъ изъ столовъ. Бушанье это извѣстно подъ именемъ *быо* и *быомазе*. Слѣдующее блюдо состояло также изъ отварной баранины, разрѣзанной на куски, между которыми становилась каменная чашка съ *шипсомъ* — кислымъ молокомъ, приправленнымъ чеснокомъ, перцемъ и солью; въ этотъ разсолъ туземцы макали баранину. Затѣмъ, по порядку и достоинству, слѣдовали; *китлебсъ* — курица съ приправою лука, перца и масла; на столикъ вляли *пасту* и, сдѣлавъ въ ней углубленіе, наполняли ее этимъ соусомъ; за *китлебсомъ* опять кислое молоко, съ кусками отварной бараньей головы; творогъ, вареный съ масломъ и запеченый въ тѣстѣ, въ видѣ ватрушки, огромной величины; пирожки изъ творогу, пилавъ, шамлыкъ, жареная баранина съ медомъ, рассыпное просо со сметаномъ, сладкіе пирожки и т. п. кушанья, въ большемъ или меньшемъ изобиліи, смотря по достатку хозяина. Въ концѣ обѣда приносился котелъ съ очень вкуснымъ супомъ, который наливался въ деревянные чашки съ ушками и подавался гостямъ; за немѣнѣемъ ложекъ, пили его черезъ край, прямо изъ чашки. Вино, пиво, буза, или аракъ, и, наконецъ, кумысъ составляли принадлежность каждаго обѣда. Число блюдъ, смотря по значенію гостя и состоянію хозяина, бывало иногда весьма значительно. Такъ, въ 1827 году, натухажскій старшина, Дешеново-Темирокъ, угощая посѣтившаго его анатолийскаго сераскира Гассана-пашу, подавъ ему за обѣдомъ сто двадцать блюдъ — чисто лукузовскій столъ!

Ни у знатныхъ, ни у бѣдныхъ не было для ѣды назначенныхъ часовъ: каждый ѣлъ, когда ему захочется, отецъ въ одномъ углу, мать въ другомъ, дѣти тамъ, гдѣ придется. Общій столъ былъ въ употребленіи только при гостяхъ.

За ужинъ садились по достоинству и значенію; дѣта играли въ этомъ дѣлѣ весьма важную роль. Дѣта въ общежитіи черкесовъ ставились всегда выше всякаго званія; молодой человекъ самаго высокаго происхожденія обязанъ былъ встать передъ каждымъ

старшикомъ, не спрашивая его мнени, и, оказывая уваженіе его сѣднѣ, уступить ему почетное мѣсто, которое въ приѣздъ черкесовъ имѣло весьма большое значеніе.

Если гость былъ человѣкъ весьма знатный по происхожденію или по заслугамъ, то онъ ѣлъ одинъ, а хозяинъ ему прислуживалъ; если же изъ низшихъ, тогда самъ хозяинъ раздѣлялъ съ нимъ трапезу.

Каждый столникъ съ блюдомъ подносился прежде всего почетному гостю и, по черкеской вѣжливости, никто не касался до кушанья прежде старшаго гостя. Съ первымъ кускомъ пищи, подносимымъ ко рту, гость произносилъ вполголоса молитву, призывая на хозяина благодать свыше, и затѣмъ обязанъ былъ отвѣдать непременно отъ каждаго блюда, сколько бы ихъ ни было: иначе онъ могъ жестоко обидѣть хозяина. Воздержаніе и умѣренность въ пищу считались, въ то же время, однимъ изъ похвальныхъ качествъ черкеса, и въ особенности соблюдались высшимъ класомъ. Такой гость только прикасался къ кушаньямъ, несмотря на неоднократныя приглашенія хозяина кушать до-сыта и побольше. Гость, отдѣлившій часть блюда и передавшій его слугѣ, оказывалъ тѣмъ большое уваженіе хозяину, который принималъ подобный поступокъ, какъ знакъ особеннаго къ нему вниманія. Когда старшій прекращалъ ѣду, то всѣ сидѣвшіе съ нимъ за однимъ столомъ также переставали ѣсть и столъ передавался второстепеннымъ посѣтителямъ, а отъ нихъ переходилъ дальше, пока не опустѣетъ совершенно, потому что черкесъ не сберегалъ на другой день того, что было однажды приготовлено и подано. Чего не съѣдали гости, то выносилось изъ кунахской и раздавалось на дворѣ толпѣ дѣтей и зѣвакъ, сбѣгавшихся на каждое подобное угощеніе.

Послѣ ужина подметали полъ и приносили снова умывальницу, и на этотъ разъ подавали небольшой кусочекъ мыла, на особомъ блюдечкѣ. Пожелавъ гостю спокойствія, всѣ удалялись кромѣ хозяина, который оставался тутъ до тѣхъ поръ, пока гость не попросилъ его также *успокоиться*.

Пріѣзжій засыпалъ съ полною увѣренностію, что лошади его накормлены, что имъ дана постылка, или что они пасутся подъ надзоромъ особо-назначеннаго на этотъ разъ пастуха. Гость зналъ, что если лошадь или какая-нибудь вещь его пропадетъ, то хозяинъ, отвѣчая за нее, долженъ будетъ отдать ему свою вещь и самъ потомъ разыскивать вора. Онъ зналъ также и то, что хозяйка дома встанетъ рано, до разсвѣта, чтобы успѣть приготовить самыя разнообразныя блюда и какъ можно лучше угостить пріѣзжаго.

Потутру обыкновенно приносили гостю кислое молоко съ пастомъ,

а иногда и съ ватрушкою; въ полдень подавали въ небольшомъ количествѣ баранину, а вечеромъ хозяева и ихъ кухарки истощали все свое искусство, чтобы блеснуть угощеніемъ.

При отъѣздѣ хозяинъ и гость пили *шесибъзъ*—застремянную чашу. Гость выходилъ на дворъ; лошади его и его свиты были осѣданы и выведены изъ конюшни; каждую изъ лошадей держалъ особый человекъ и подавалъ стремя. Если гость пріѣхалъ издалека, то ему оказывался еще большій почетъ: тогда хозяинъ, не довольствуясь прощаніемъ въ домѣ, садился также на лошадь, провожалъ нѣсколько верстъ и возвращался домой только послѣ нѣсколькихъ долгихъ убѣжденій и просьбъ со стороны гостя.

Въ прежнее время было въ обычаѣ для гостя засѣвать особое поле просомъ или гоміей, другое овсомъ для лошадей его и отдѣлять для него часть скота изъ своего стада.

Чѣмъ болѣе человекъ пользовался уваженіемъ, тѣмъ чаще посѣщали его гости. Если нечѣмъ былъ угощать путешественника, хозяинъ обращался къ сосѣдямъ, и тѣ охотно снабжали его всѣмъ необходимымъ. Сосѣди жили между собою дружелюбно, охотно дѣлились другъ съ другомъ послѣднимъ кускомъ, одеждой, всѣмъ что только можно было раздѣлить, и считалось постыднымъ отказать нуждающемуся, кто-бы онъ ни былъ. Хозяинъ долженъ былъ защищать гостя, хотя бы то стоило ему жизни. Принявшій подъ свое покровительство преступника обязанъ былъ примирить обѣ стороны, и если ему это не удавалось, то передавалъ дѣло на разсмотрѣніе народнаго суда. Если судъ рѣшалъ выдать обидчика головой обиженному, тогда давшій убѣжище исполнялъ въ точности приговоръ суда.

Отказъ въ гостепримствѣ навлекалъ на хозяина нерасположеніе цѣлаго общества. Негостепримство у черкесовъ считалось большимъ порокомъ и порицалось пословицею: *«ты лишь одинъ не дѣлалъ, какъ мотайскій князь»*. Чѣмъ гостепримнѣе былъ хозяинъ, тѣмъ лучше старался онъ уростить пріѣзжаго, и, отпуская его домой, при прощаніи дѣлалъ весьма часто подарки, нерѣдко весьма значительные. Съ своей стороны, гости обязаны были въ точности исполнять всѣ обычаи страны, и ни словомъ, ни даже намекомъ не оскорбить хозяина, и тѣмъ не обезславить его гостепримства. Нарушеніе правилъ гостепримства, вело къ кровавой враждѣ, возникавшей не только между двумя лицами, но между цѣлыми родами и поколѣніями. По кореннымъ черкескимъ законамъ, тотъ, кто оскорбилъ гостя, въ чьемъ-бы домѣ онъ ни былъ, платитъ хозяину дома штрафъ въ одну *сла*, равняющуюся отъ 60 до 80 быковъ. Въ случаѣ убій-

ства гостя, убійца платитъ девять такихъ цѣвъ за безчестье дома независимо отъ цѣны крови, слѣдующей родственникамъ убитаго (*). Черкесы до такой степени ревниво оберегали обычай гостепріимства, что если два лица, имѣвшія между собою вражду, встрѣчались неожиданно въ чужомъ домѣ, то, какъ-бы вражда эта сильна ни была, они дѣлали видъ, что не замѣчаютъ другъ друга и держались одинъ отъ другаго какъ можно дальше.

Какъ образчикъ гостепріимства, его обычаявъ и условій, я поясню примѣромъ. Одинъ изъ богатѣйшихъ князей бзедухскихъ былъ въ гостяхъ у князя другаго племени, отъ котораго, при отъѣздѣ, получилъ въ подарокъ тысячу барановъ. Обычай и честь требовали отдарить пріятеля. Бзедухскій князь звалъ его къ себѣ въ гости, но тотъ медлялъ и черезъ годъ совершенно неожиданно явился съ огромною свитой, какъ разъ въ то самое время, когда хозяйна не было дома.

Остановившись передъ кунахскою, князь слѣвъ съ коня; его ввели въ комнату. Княгиня-хозяйка засуетилась въ хлопотахъ объ угощеніи и отправила гонцовъ къ мужу, съ извѣстіемъ о прибытіи гостя. Въ ожиданіи пріѣзда, супруга-княгиня была въ крайнеиъ затрудненіи: надо было готовить ужинъ, а она не знала какъ: готовить-ли кушанье изъ мяса быка убитаго поутру, или, какъ принято было между черкесами, въ честь пріѣхавшаго гостя зарѣзать новаго барана. Вызванный изъ кунахской, старшій изъ подвластныхъ князя человекъ опытный и хорошо знавшій обычаи страны, разрѣшилъ затрудненіе: онъ опредѣлялъ приготовить говядину и, кромѣ того, убить барана.

Эти затрудненія замедлили приготовленіе ужина, но наконецъ его подали. Князь, пріѣхавшій издалека, проголодался, и, сѣвъ за столъ, принялся за пищу съ большимъ аппетитомъ. По обычаю, когда слѣдовало приняться за мясо, въ богатыхъ и знатныхъ домахъ прислуживающіе подавали ножи, а безъ этой формальности никто не дотрогивался до мяса. Проголодавшійся же князь не соблюлъ этикета и, не дожидаясь когда подадутъ ему ножъ, вынулъ свой, бывшій при ножнахъ княжала, и началъ имъ рѣзать говядину.

— Ого! гости-то наши пріѣхали вооруженные! замѣтилъ вслухъ одинъ изъ остряковъ, бывшихъ въ кунахской при угощеніи.

Князь молча кинулъ сердитый взглядъ на остряка и продолжалъ

(*) Обычаи шапсуговъ и натухажцевъ. Л. Дюлье. Запис. кавк. отд. имп. рус. геогр. общ. кн. VII, изд. 1866 г.

ѣсть. Вскорѣ затѣмъ почетный гость потребовалъ пить, что означало, по принятому обыкновенію, что, отрѣзавъ себѣ еще кусочка два мяса, князь перейдетъ къ слѣдующему блюду. Утомленіе и апатитъ вошли и тутъ перевѣсъ надъ обычаемъ; куски шампльга одинъ за другимъ, и въ значительномъ количествѣ, стали исчезать во рту гостя.

— По мокрому бруску провели ножомъ, замѣтилъ вторично острякъ.

Князь вспыхнулъ и, оттолкнувъ отъ себя столъ съ кушаньями, бросилъ ужинъ.

— Подайте мнѣ оружіе! закричалъ онъ съ гнѣвомъ. Я не съ тѣмъ пріѣхалъ къ своему пріятелю, чтобы слушать насмѣшки какого-нибудь наглеца. Оружіе... лошади! кричалъ взбѣшенный князь.

Поднялась страшная суматоха. Подвластные хозяина просили гостя не сердиться, не уѣзжать и тѣмъ не навлекать бѣдъ на хозяину. Бѣдная и ничѣмъ невинная княгиня рвала на себѣ волосы и также упрашивала разсерженного не дѣлать позора ей мужу. Почетный гость уступилъ просьбамъ, согласился остаться и все успокоилось. Пріѣхалъ хозяинъ и скоро узналъ о случившемся происшествіи. Утромъ на другой день онъ призвалъ къ себѣ несчастнаго остряка и, въ присутствіи гостей, выгналъ его изъ своихъ владѣній.

— Счастіе твое, что съ отцомъ твоимъ я ѣлъ хлѣбъ и соль, а то ты жилъ-бы тамъ съ рыбами, сказалъ князь остряку, указывая на рѣку, протекавшую подлѣ кунахской. Отнынѣ пога твоя пускай не смѣетъ переступить черту моихъ владѣній—вонъ отсюда! Но, чтобы ты не подумалъ будто я выгоняю съ намѣреніемъ, подѣлать предлогахъ отдѣлаться отъ подарка, то на, возьми себѣ двухъ лучшихъ коней моихъ и—съ Богомъ!..

Острякъ, довольный тѣмъ, что такъ дешево отдѣлался, ускакалъ безъ оглядки. Князь гостилъ около недѣли и, при отъѣздѣ домой, получилъ въ подарокъ: трехъ дѣвушекъ, двухъ мальчиковъ, шестнадцать прекрасныхъ лошадей, множество драгоценнаго оружія и нѣсколько десятковъ сундуковъ, наполненныхъ шелковыми матеріями.

Обычай одаривать гостя породилъ у чересовъ особый родъ гостей—*хаче-уако*, гость съ просьбой. Такія лица, погостивъ нѣсколько дней, просили у хозяина, преимущественно князя, подарить ему, наприямѣръ, десять лошадей, двадцать быковъ, да сотню овецъ. По обычаю, князь не могъ отказать въ подобной просьбѣ и долженъ былъ удовлетворить просителя (*). Въстѣ съ тѣмъ, пользуясь

(*) О гостепримствѣ у чересовъ М. Кавк. 1859 г. № 7. Замѣчанія на ст. „За-

гостепріимствою, многіе находили средство всю жизнь существовать на чужой счетъ. Образовался особый, хотя незначительный, классъ людей, который, не имѣя осѣдлости и пристанища, скитался изъ одного аула въ другой и велъ жизнь бродяжническую. Они знали, что прїѣздъ ихъ, подѣ именемъ гостя, будетъ принятъ каждымъ изъ хозяевъ за прїятное событіе, доставляющее какъ ему, такъ и всѣмъ членамъ его семьи удовольствіе и случай исполнить долгъ и священную обязанность. За то между черкесами не было еще никогда прїѣбра, чтобы кто-нибудь умеръ отъ голода...

Гостепріимство, свято-чтимое между черкесами, не слѣдуетъ смѣшивать съ правами покровительства, или *куначества*, также весьма распространеннаго въ народѣ. Обычай *куначества* ведется съ давнихъ поръ. Въ прежнія времена, когда междоусобныя войны раздирали маленькія черкескія племена, каждый черкесъ, вступивъ въ границы земель чужаго ему владѣнія, считался какъ непріятель или чужеземецъ. Онъ подвергался опасности быть убитымъ, ограбленнымъ или проданнымъ, какъ невольникъ, куда-нибудь на отдаленный Востокъ. Чтобы не подвергаться этому, онъ долженъ былъ имѣть въ чужомъ обществѣ вліятельнаго покровителя — *кунака*, на котораго, въ случаѣ надобности, могъ бы положиться. Общдая польза сдѣлала куначество свято-чтимымъ между черкесами. Кунакъ (покровитель) и прибывшій подѣ его защиту были тѣсно связаны между собою, и никто не могъ обидѣть вліянта, не подвергаясь немзбѣжному мщенію кунака. Хотя впоследствии, съ превращеніемъ междоусобныхъ раздоровъ, черкесъ не подвергался прежней опасности, но куначество такъ вкоренилось въ народную жизнь, что ни одинъ черкесъ не считалъ возможнымъ обойтись безъ кунака, который бы могъ его выручить изъ бѣды въ случаѣ ссоры, драки, убійства и воровства. Кунакомъ, конечно, могъ быть только князь или владѣтельный дворянинъ, словомъ такое лицо, котораго имя и вліяніе шли въ горахъ.

Отказать кому бы то ни было въ покровительствѣ считалось предосудительнымъ. Человѣкъ, совершившій преступленіе и опасавшійся преслѣдованія, искалъ случая обезпечить себя защитою сильнаго. Явившійся въ тому князю, котораго покровительство могло до-

коны и обычай кабардинцевъ". Кавк. 1846 г. № 11. Остатки христіанства между закубанскими племенами Юанна Хларова. Кавк. 1846 г. № 42. О природѣ и хозяйствѣ Кабарды кн. Баратова Кавк. 1860 г. № 73. Очеркъ этнографіи черкескаго народа барона Стала (рукопись). Бѣглецы очерки Кабарды Степанова Кавк. 1861 г. № 82. Закубанскій край въ 1864 г. П. Невскій. Кавказъ 1868 г. № 100.

ставитъ желаемую защиту, онъ касаясь рукою помы его платья и произносилъ: *«отдаюсь подъ твое покровительство»*. Боренные обычаи черкесовъ обязывали покровителя вступаться во всякомъ случаѣ за предавагося его защитѣ. Ни тотъ, ни другой ничего не теряли отъ того, напротивъ, оба оставались въ выигрышѣ. Искавшій защиты пріобрѣталъ сильную подпору, а покровитель получалъ право, въ случаѣ обиды нанесенной его кліенту, взыскивать штрафъ въ свою пользу. Право это составляло даже одно изъ преимуществъ князей, которымъ они старались пользоваться, получая отъ него вещественныя выгоды. И хотя оно вело часто къ распрямъ и ссорамъ, но, несмотря на то, князь, допустившій безнаказанно обидѣть имъ покровительствуемаго, терялъ всякое уваженіе въ народѣ.

Каждый иностранецъ, безъ различія происхожденія и вѣры, имѣвшій вліятельнаго кунака въ одномъ изъ черкесскихъ обществъ, былъ совершенно безопасенъ въ этомъ обществѣ. Всѣ иностранцы, посѣщавшіе секретно горскія племена, жившія на берегу Чернаго Моря, отправлялись, по большей части, изъ Турціи, имѣя съ собою рекомендаціи на имя владѣтельныхъ князей, которые дѣлались ихъ кунаками, т. е. принимали ихъ подъ свое покровительство. Одни русскіе были изъяты у черкесовъ изъ этого права. Каждый русскій, въ главахъ черкеса, находился подъ крѣвощеніемъ и весьма немногіе изъ черкесовъ рѣшались вступать съ нами въ куначество, да и то не иначе, какъ съ соблюденіемъ съ обѣихъ сторонъ самой тщательной тайны.

Необходимость въ постороннемъ покровительствѣ и помощи дала начало оригинальному обычаю, извѣстному подъ именемъ *усыновленія*. Лицо чуждаго народа или чуждаго общества, переселившись къ одному изъ черкесскихъ племенъ и желая тамъ скрыться отъ преслѣдованій или остаться навсегда, изъявляло желаніе быть усыновленнымъ однимъ изъ семействъ того аула, въ которомъ поселилось. Глава семейства призывалъ къ себѣ желающаго быть пріемышемъ, въ присутствіи всѣхъ обнажалъ женѣ своей грудь и пріемышь три раза устами дотрогивался до ея сосковъ. Этимъ символомъ глава семейства давалъ знать присутствующимъ, что пріемышь былъ какъ-бы вскормленъ грудью его жены и считается отнынѣ сыномъ въ семействѣ. Такое усыновленіе устанавливало священную связь и налагало на пріемыша тѣ же обязанности, какія имѣетъ сынъ къ отцу. Точно также поступали два лица, согласившіеся составить между собою союзъ на жизнь и смерть. Тог-

да жена или мать одного изъ нихъ давала другу мужа или сына свою грудь, и съ тѣхъ поръ онъ пользовался покровительствомъ, какое принадлежало дѣйствительному питомцу. Впослѣдствіи обычай этотъ до того развился, что стоило только дотронуться до груди женщины, чтобы остановить ея мужа отъ преслѣдованія даже и въ томъ случаѣ, если—бы дотронувшійся до груди его жены былъ заклятый врагъ (*). Слѣдующій разсказъ лучше всего подтвердить, до какой степени свято исполнялись у черкесовъ обычай гостепримства и усновленія.

Халайское племя занимало прежде важное мѣсто между черкесскими племенами. Князя этого племени, два родные брата, славились своимъ мужествомъ и щедростію. Старшій изъ братьевъ, Атвонукъ, былъ среднихъ лѣтъ и очень дурень собою, а младшій, Канбулатъ, молодъ и красоты необычайной; плечи его были такъ широки, талія такъ тонка, что когда онъ лежалъ, то кошка проходила подъ его бокомъ, не задѣвая пояса—а это верхъ черкеской красоты!

Сознавая свой физическій недостатокъ, Атвонукъ не хотѣлъ жениться, но настойчивость и убѣжденіе друзей заставили его взять себѣ жену, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы и младшій братъ, Канбулатъ, послѣдовалъ его примѣру. Оба брата женились, и Канбулатъ, какъ—бы предчувствуя что—то недоброе, вопреки обычаямъ своей родины, никогда не показывался своей невѣстѣ. Черкеская женщина и нынѣ пользуется полною свободою, а въ прежнее время она принимала даже участіе въ дѣлахъ общественныхъ.

Пораженная красотою брата своего мужа, жена Атвонука искала случая съ нимъ сблизиться. Однажды, въ отсутствіе мужа, пріѣхали къ ней въ гости родственники и просили Канбулата провести ихъ въ покои невѣстки. Отказать въ такой просьбѣ было—бы неприлично, невѣжливо, и Канбулатъ принужденъ былъ, противъ собственнаго желанія, побывать у жены брата. По удаленіи гостей, княгиня, подъ предлогомъ переговоровъ о домашнихъ дѣлахъ, удержала у себя Канбулата, и, съ безстыдствомъ сладострастной женщины, потребовала отъ него клятвеннаго обѣщанія провести съ нею вмѣстѣ наступающую ночь, угрожая, въ противномъ случаѣ, поднять тревогу и объявить народу, что онъ хотѣлъ ее обезчестить. Слова свои она подтвердила цѣлованіемъ молитвенника, который висѣлъ въ серебряномъ футлярѣ на ея груди. Пораженный безстыдствомъ, но созна-

(*) Этнологичес. очеркъ черкескаго народа барона Стала (рукоп.). Беслвйй Абатъ Дамъ-Гирекъ. Кавк. 1847 г. № 43.

вая безвыходность своего положенія, Канбулатъ далъ слово исполнить желаніе своей невѣстки и въ обезпеченіе его цоцѣловалъ тотъ же молитвенникъ.

Наступила ночь. Канбулатъ явился, но объявилъ, что пришелъ не для того, чтобы быть преступникомъ, а для того только, чтобы исполнить клятву, къ которой присоединилъ другую, что зарѣжетъ свою невѣстку при первомъ нескромномъ порывѣ, при неумѣстной и соблазнительной ласкѣ. Обнаженная сабля, какъ доказательство рѣшимости и твердости слова, легла между нимъ и невѣсткою. Съ наступленіемъ утра, Канбулатъ бѣжалъ съ ненавистной ему постели, не замѣтивъ, какъ одна изъ трехъ стрѣлъ, которыя носили тогда черкесы на себѣ и дома, подкатилась подъ кровать: онъ забылъ даже о томъ, что у него были три, а не двѣ стрѣлы...

Возвратившійся Атвонукъ въ первую же ночь замѣтилъ чужую стрѣлу и, по необыкновенной длинѣ, узналъ въ ней стрѣлу брата.

— Чего я опасался, сказалъ онъ одному изъ своихъ друзей, то и случилось....

Оскорбленный Атвонукъ оставилъ свой домъ и уѣхалъ къ крымскимъ татарамъ. Забытый всѣми, онъ оставался долгое время незамѣтымъ при бахчисарайскомъ дворѣ. Князь хегайскій не терялъ, однако, надежды и работалъ неутомимо надъ осуществленіемъ своего желанія отмстить Канбулату. Своею настойчивостію и неутомимостію онъ успѣлъ склонить хана дать ему войско и повелѣть многочисленный отрядъ татаръ на владѣніе брата, почти смежное съ владѣніями крымскихъ татаръ: Распустивъ слухъ, что татары идутъ на отдаленное племя, Атвонукъ хотѣлъ вѣрнѣе достигнуть цѣли и захватить брата врасплохъ, но пѣгая лошадь открыла тайну. Приближенные Канбулата, узнавъ въ станѣ татаръ лошадь Атвонука, дали знать своему господину. Князь бѣжалъ, однако семейство его попало въ руки мстителя, старшаго брата.

Въ особой палаткѣ помѣщена была плѣнница, жена Канбулата, женщина твердаго характера и пылкаго ума. Она была въ то время беременна, тогда какъ преступная жена Атвонука никогда не имѣла дѣтей. Атвонукъ рѣшилъ отмстить брату тѣмъ же, въ чемъ подозрѣвалъ его. Наступила ночь, и онъ отправился въ плѣнницѣ, чтобы насытиться самымъ гнуснымъ образомъ....

Гордо встрѣтила плѣнница своего мстителя.

— Цащъ поведитель, сказала она—такъ величаютъ черкешенки старшихъ братьевъ своихъ мужей—ты торгуешь не совсѣмъ чисто: мѣняешь бесплодную корову на тельную....

Слова эти устыдили Атвонука; онъ оставилъ свою невѣстку и объявилъ ей, что отнынѣ будетъ считать ее родною сестрой. Такое признаніе не означало еще примиреніе съ братомъ: Атвонуку обратилъ весь свой гнѣвъ на разореніе ауловъ, подвластныхъ Канбулату. Послѣдній, скрывшись отъ преслѣдовавшаго брата, поѣхалъ къ жанѣвцамъ, жившимъ на югостокѣ отъ хегайскаго племени. Десятокъ или два бѣдныхъ хижинъ настоящихъ обитателей Карзкубанскаго острова, суть единственные потомки жанѣвцевъ, нѣкогда многочисленнаго воинственнаго племени, выставлявшаго тысячь десять всадниковъ и страшнаго для сосѣдей. Одинъ изъ представителей жанѣвцевъ, князь Хакушмукъ, человекъ уважаемый и могущественный, былъ въ кровной враждѣ съ Канбулатомъ. Послѣдній въ одномъ изъ набѣговъ убилъ его сына.

И вотъ, въ одно утро, у воротъ ограды маленькой кунахской этого князя остановился всадникъ на ворономъ конѣ. Дождь былъ пустъ: князя не было дома. Пользуясь отсутствіемъ владѣльца, разбрелся и его слуги. Оставивъ свою лошадь у ограды, пріѣзжіи вошли въ кунахскую и легъ на скамейку. Одна изъ прислужницъ, пришедшая убрать комнату, была поражена его красотой и тотчасъ же объявила своей госпожѣ о пріѣздѣ гостя. Княгиня отправилась въ кунахскую, въ полномъ убѣжденіи встрѣтить тамъ одного изъ самыхъ близкихъ друзей мужа: въ противномъ случаѣ, гость не пришелъ—бы въ маленькую гостиную, назначенную только для почетныхъ лицъ, а остановился бы въ общей и большой гостиной.

Какъ только княгиня перешагнула за порогъ комнаты, незнакомецъ вскопчалъ и бросился къ ней.

— Будь моею воспріимною матерью! проговорилъ онъ, дотронувшись до ея груди.

Передъ княгинею стоялъ Канбулатъ—убійца ея роднаго и единственнаго сына. Какъ ни великъ былъ гнѣвъ княгини при первомъ взглядѣ на убійцу сына, но преступить строгіе и священные законы гостепрѣимства не въ силахъ, не въ характерѣ Черкеса. Слѣдуя народному обычаю, княгиня взяла Канбулата подъ свою защиту и помѣстила въ безопасномъ мѣстѣ.

Прошло нѣсколько времени. Въ одну изъ отлучекъ мужа княгиня приготовила пиръ и, собравъ изъ всего племени самыхъ почетныхъ старшинъ, поручила имъ просить стараго князя, чтобы тотъ далъ слово исполнить одну изъ самыхъ кровныхъ и завѣтныхъ просьбъ ея.

Сидя вечеромъ въ своей кунахской, князь, ничего не подозрѣвавшій о происходившемъ въ домѣ, былъ немало удивленъ, когда къ

нему явились старшины, сопровождаемые служителями съ блюдами, наполненными разными кушаньями. Князь принялъ старшинъ ласково. Сѣли за ужинъ; полныя чаши стали ходить по рукамъ и разговоръ оживился. Старшины объявили тогда князю свое порученіе.

— Согласенъ! сказалъ развеселившійся старикъ; но съ условіемъ, чтобы княгиня сама и при всѣхъ открыла мнѣ свою тайную просьбу.

Въ прежнее время, въ высшемъ класѣ черкесскаго общества жена никогда не приходила къ мужу въ присутствіи постороннихъ, и потому двое изъ старшинъ отправились къ княгинѣ объявить волю князя. Она не затруднилась нарушить обычай и, въ сопровожденіи тѣхъ же посланныхъ, вошла въ пирующимъ.

— Я прошу тебя оказать гостепримство этому человѣку, сказала она, указывая на слѣдовавшаго за нею Канбулата, и при этомъ объяснила обстоятельства, вынудившія ее принять его подъ свою защиту.

Неожиданная встрѣча эта ввелоновала стараго князя.

— Конечно, отвѣчалъ онъ съ наружнымъ спокойствіемъ и нѣкоторою важностію, я не могу мстить человѣку, который въ моемъ домѣ ищетъ моего покровительства; но ты напрасно вздумала поить насъ передъ открытіемъ твоей тайны, столь для насъ пріятной: мы могли забыться и нашъ стыдъ палъ бы тогда на тебя.

— Остріе стрѣлы прошло, такъ перья не сдѣлаютъ вреда, замѣтили дворяне, умѣвше позлословить и польстить, и просили княгиню прислать, по этому случаю, еще бузы и браги.

— Дѣльно! замѣтилъ и старшій князь; только послаще той, которую ты мнѣ поднесла теперь....

На слѣдующій день жанѣвскій князь объявилъ Канбулата своимъ гостемъ; но, слѣдуя обычаямъ, требовалъ отъ него плату за кровь, объявивъ, что какъ все богатство Канбулата заключается теперь въ лошади и оружіи, то онъ удовольствуется и этимъ.

Канбулатъ исполнилъ требованіе, оставилъ у себя только одну саблю, но и ту долженъ былъ отдать, по вторичному требованію жанѣвскаго князя.

— Что сказалъ Канбулатъ, отдавая саблю? спросилъ князь принесшаго ее старшину.

— Сказалъ только, отвѣчалъ тотъ, что саблю не считаетъ драгоценностію, а оставилъ ее у себя для обороны отъ собакъ. Тутъ у него, прибавилъ старшина, на глазахъ, кажется, навернулись слезы....

— Онъ достоинъ и оружія, и уваженія! перебилъ князь. Отне-
Т. LXXII. Отд. I.

сите все обратно и скажите, что я хотѣлъ только испытать его, хотѣлъ узнать, принадлежитъ ли онъ къ числу людей, которые служатъ основой умной поговоркѣ нашихъ предковъ: *храброму трудно полонить, но въ плыну онъ покоренъ судьбѣ; а труса легко взять въ плыну, но тутъ-то, когда уже нечего бояться, онъ и дѣлается упрямымъ*. Скажите ему, что я раскаиваюсь въ моемъ желаніи испытать его, и пока онъ мой гость—моя рука, мое оружіе, все принадлежитъ ему.

Изгнанныкъ былъ болѣе чѣмъ доволенъ великодушіемъ своего врага-покровителя; но, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, не могъ оставаться у него слишкомъ долго, и потому просилъ жанѣвскаго князя проводить его къ бзедухамъ, жившимъ въ вершинахъ рѣчьей Псекупса и Пшиша.

Представители сильного бзедукскаго племени были въ сборѣ, на совѣщаніи по общественнымъ дѣламъ, когда среди нихъ явился жанѣвскій князь, въ сопровожденіи своего гостя. Объяснивъ причину своего прибытія, старый князь поручилъ Канбулату великодушію ихъ племени.

Обнаживъ, по тогдашнему обычаю, голову, Канбулатъ, обратился къ собранію:

— Бзедухи! отдаюсь подъ защиту вашего поколѣнія. Отнынѣ, послѣ Бога, на васъ моя надежда. Не мои достоинства, а ваша честь и слава порукою мнѣ въ вашемъ великодушіи.

Бзедухи объявили себя защитниками гостя. Семь лѣтъ тянулася съ тѣхъ поръ самая ожесточенная война между братьями; лучшіе воины съ обѣихъ сторонъ остались на полѣ сраженія; разореніе и кровопролитіе опустошили землю и истощили обѣ стороны враждовавшихъ, но ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить и враждѣ не предвидѣлось конца.

Виновица всѣхъ несчастій, жена Атвонукъ, жившая у своего отца, вздумала сшить полный мужской костюмъ и послала его въ подарокъ Канбулату.

Посланный былъ захваченъ Атвонукомъ, узнавшимъ работу своей жены. Желая еще болѣе убѣдиться въ преступной связи брата съ женою, Атвонукъ, отправивъ посылку съ своимъ слугою, поручилъ ему просить Канбулата на мнимое свиданіе. Канбулатъ нарубилъ въ куски подарокъ ненавистной ему женщины и приказалъ его отвезти тому, къ кому онъ присланъ, прибавивъ отъ себя, что кто впредь къ нему явится съ подобнымъ порученіемъ, того онъ повѣситъ на первомъ попавшемся деревѣ.

Этот поступок внушил Атвонуку мысль, что братъ не такъ виноватъ, какъ онъ предполагалъ, и онъ рѣшился помириться. Послѣ переговоровъ, братья съѣхались на свиданіе.

— Я знаю, сказалъ Банбулатъ при встрѣчѣ съ братомъ, что невинность моя оправдываетъ меня; но ты не хотѣлъ видѣться со мною, а я былъ готовъ скорѣе погибнуть, чѣмъ открыть кому бы то ни было несчастный случай, безславившій нашъ домъ.

Братья помирились. Послѣ продолжительнаго кровопролитія наступилъ миръ; бѣедукамъ осталась слава строгаго исполненія обычая гостепріимства, благородной защиты гонимаго и удовольствія слышать свои подвиги въ народной пѣснѣ и гордиться ею (*)...

II.

Раздѣленіе черкесовъ по племенамъ и мѣсто занимаемое каждымъ изъ нихъ.—Общій краткій очеркъ мѣстности, занимаемой черкесскимъ или адигскимъ племенемъ, и его экономическаго быта.

Черкесы сами себя называютъ *адиге*, что, на всѣхъ нарѣчіяхъ этого племени, означаетъ островъ.

Происхожденіе названія *черкесъ* объясняютъ различно. Одни стараются объяснить начало этого названія отъ *Чера* и *Кеса*, по преданіямъ бывшихъ будто-бы первыми родоначальниками адигскаго народа (**); другіе, не вдаваясь въ такія мифическія сказанія, говорятъ, что черкесъ есть слово татарское, данное отъ рѣчки Черекъ, извѣстной кровопролитными битвами, происходившими между татарами и кабардинцами (**); наконецъ дагестанцы и всѣ остальные жители Закавказья называютъ черкесовъ *саръ-кясъ*, что означаетъ сорви-голова, головорѣзъ (***).

Отъ послѣдняго названія произошло испорченное слово черкесъ, данное народу, отъ хищническихъ нападений котораго сосѣди весьма много терпѣли.

Откуда бы ни произошло названіе *черкесъ*, оно стало, однако, у насъ гораздо популярнѣйшимъ и болѣе употребительнымъ, чѣмъ слово *адиге*, служащее выраженіемъ одинаковости происхожденія и одноплеменности многихъ отдѣльныхъ поколѣній черкесскаго народа,

(*) Князь Банбулатъ, черкесское преданіе. Ханъ Гирей. „Русскій Вѣстникъ“ 1844 г. № 1.

(**) Баронъ Сталь: „Этнографическій очеркъ черкесскаго народа“ (рукоп.). Бутковъ. „Опытъ исторіи о черкесахъ, и въ особенности о кабардинцахъ“ (рукоп.).

(***) Свидѣнія объ атыжейцахъ, Шахъ Бекъ Мурвина. Кавказъ 1849 года, № 39.

(****) Племя адиге, Т. Макарова. Кавказъ 1862 года № 29.

которыя неотличаются, другъ отъ друга, ни языкомъ, ни нравами и обычаями.

Многочисленное черкесское племя (адиге) раздѣлялось на нѣсколько отдѣльныхъ поколѣній, извѣстныхъ подъ различными именами и названіями.

Ниже Георгіевска, на югъ отъ казачьихъ земель, поселилось одно изъ значительнѣйшихъ племенъ адиге, *кабардинцы* (кабертай), раздѣлявшіеся на Большую и Малую Кабарду.

Большая Кабарда, примыкая на югѣ къ осетинамъ, расположена между рѣками Малкою и Терекомъ, а Малая Кабарда, занимающая правый берегъ рѣки Терека, до предгорій и береговъ Суэжи, прилегаетъ на востокѣ къ чеченцамъ.

Нѣсколько кабардинскихъ семействъ, въ разное время, оставивъ свое отечество и, со всѣми своими подвластными, переселившись въ долины р. обокъ Зеленчуговъ, образовали особыя поселенія, извѣстныя подъ именемъ *абрековъ*, или *блвыкъ кабардинцевъ*.

Въ прежнее время, жители Большой Кабарды были раздѣлены между четырьмя княжескими фамиліями: Кайтукиныхъ, Бекъ-Мурзминыхъ, Мисостовыхъ и Атажукиныхъ (*).

Малая Кабарда состояла изъ трехъ обществъ: Бекевича, Ахлова и Таусуитанова (**).

Составляя часть племени адиге и говоря съ нимъ однимъ языкомъ, кабардинцы не прилегали непосредственно къ остальнымъ поколѣніямъ этого народа. Казаки 1-го Владикавказскаго казачьяго полка и племена татарскаго происхожденія отдѣляли ихъ отъ племенныхъ имъ народовъ черкесскаго (адигскаго) племени.

Кубанская котловина, орошаемая рѣками Ферзь, Гегене (Большая Тегень), Геннезій (Малая Тегень) и Воарпъ, занята была *Бесленейцами*, на сѣверо-западъ отъ которыхъ, по долинѣ орошаемой ручьями Чехурадъ, Белогіакъ и Шеде, жили *Мохочевцы*. Къ западу отъ послѣднихъ, между р. Схагуаше (Бѣлою) и Пшишемъ, обитали *Хатюкайцы*, а сѣвернѣе ихъ, между рѣками Кубанью, Лабю и Схагуаше поселилось племя *Кемуй*, или *Темиртой*, примыкавшее къ Абадзахамъ. *Абадзехи* населяли сѣверный склонъ Кав-

(*) По рукописи барона Стала, фамиліи Кайтукиныхъ принадлежало 19 деревень съ 3,210 душъ обоюго пола; Бекъ-Мурзминыхъ 24 деревн. съ 7,737 душ. обоюго пола, Мисостовыхъ 17 дерев. съ 6,306 душ. обоюго пола, и Атажукиныхъ 22 дерев. съ 7029 душ. обоюго пола.

(**) Въ Малой Кабардѣ, кромѣ того, жили: въ аулѣ Псидахъ чеченцы; въ аулѣ Турловъ кумыки; въ Гайтievѣ и Ельджеруковомъ аулѣ—наваровцы и осетины Эльтокова и Коврева (Рукопись Стала).

казскаго хребта, пространство между р. Стагуаше и р. Супъ, отдѣлявшюю ихъ отъ Шапсуговъ. Абадзехи, будучи племенемъ самымъ многочисленнымъ и воинственнымъ, раздѣлялись на нагорныхъ, или дальнихъ, и на равнинныхъ, или ближнихъ. Нагорные абадзехи сражались, по преимуществу, пѣшие, а равнинные дрались всегда верхомъ. Главныя поселенія или аулы были расположены въ долинахъ рѣкъ Курджипса, Пчехе, Пшиша и Псекупса. Они раздѣлялись на девять обществъ или хаблей (*).

Начиная отъ рѣки Супъ, всея долины, лежащія на сѣверо-западъ до р. Шипса, теряющейся, какъ и многія ей сосѣднія, въ болотахъ, окружающихъ Кубань, заняты были *Шапсугами*.

Непосредственно къ Шапсугамъ и на востокъ отъ нихъ, по лѣвому берегу р. Кубани до р. Пшиша, обитали *Бзедухи*, раздѣлявшіеся на два поколѣнія: *Хамышеи*, жившихъ отъ шапсугской границы до р. Псекупса, и *Черченей*, далѣе до рѣки Пшиша (**).

За рѣкою Шипсъ весь уголъ между низовьемъ Кубани и Чернымъ Моремъ и объ покатоности главнаго хребта горъ заселены были племенемъ *натухажскимъ* (ноткуаджъ), простиравшимся по южному склону хребта и прибрежью Чернаго Моря до небольшой рѣчки Бу или Буанъ, протекающей ниже Головинскаго поста (***), и впадающей въ Черное Море. Кромя того, къ племени адиге принадлежатъ остатки некогда могущественнаго племени *Жанъ*, или *Жаньцевъ*. Аулы ихъ расположены были въ 70 верстахъ ниже Бзедуховъ, на островѣ образуемомъ двумя рукавами Кубани и называемомъ *Каракубанскимъ* островомъ (по черкески *Детлясъ*). Точно также среди Натухажцевъ жили три поколѣнія племени адиге, потерявшія свою самобытность и слившіеся съ Натухажцами: *Чебеинъ*, *Хелайкъ*, жившіе въ окрестности Анапы, въ котловинѣ Чехурай, и *Хетуль*, или

(*) Общества эти извѣстны были подъ именами: Тубъ, Темдаши, Дауръ-Хабль, Дженгетъ-Хабль, Гатюко-Хабль, Нежучо-Хабль, Анчоко-Хабль, Вешучо-Хабль и Эдиге-Хабль. Слово „Хабль“ равнозначуще слову улусъ. Баронъ Сталь „Этнографическій очеркъ черкесскаго народа“. (Рукопись) Воен.-ученый арх. главнаго штаба. Также рукопись, обязательно доставленная мнѣ П. В. Кузьминскимъ, которому и приношу мою искреннюю признательность.

(**) Относительно раздѣленія этихъ поколѣній и переселенія ихъ съ рѣки Туапсе на нынѣшнія мѣста, сохранилась въ народѣ легенда, о содержаніи которой см. статью „Бассейнъ Псекупса“. Кубанскія Вѣдомости 1867 г., № 5.

(***) Начиная отъ р. Аше, натухажскія общества, жившія вдоль юго-восточнаго берега Чернаго Моря, имѣли, сверхъ общаго племеннаго названія, другія отдѣльныя, по имени урочищъ: *Гоаид* или *Шехокуаджъ*; далѣе, на юго-западѣ, по порядку слѣдовали: *Цюгуль*, *Шимитокуаджъ* и *Хызг*.

Адале, жившіе на полуостровѣ Тамани, а теперь разбросанные въ разныхъ мѣстахъ среди Натухащевъ (*).

Такимъ образомъ, во владѣніи племени адиге находились: восточный берегъ Чернаго моря, значительная часть обоихъ склоновъ кавказскаго хребта, кубанская равнина и большая половина кабардинской плоскости.

Весьма трудно опредѣлить точную цифру населенія черкесскаго племени. «Всѣ цифры, которыми означали кавказское населеніе, брались приблизительно, и, можно сказать, на глазъ. По понятіямъ горцевъ, считать людей было не только совершенно бесполезно, но даже грѣшно; почему они, гдѣ можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имѣя возможности сопротивляться» (**).

Слѣдующая таблица показываетъ численность населенія черкесскаго племени въ два разные періода времени.

	Число душъ въ 1835 году (***)	Число душъ въ 1858 году (****)
Большая Кабарда.	24,000	24,282
Малая Кабарда.	6,000	12,756
Бѣглые кабардинцы	4,000	4,707
Шансуги.	200,000	160,000
Натухащцы.	60,000	20,000
Абадзехи.	160,000	40,000
Хатюкайцы	9,000	6,521
Бведухи		4,000
Кемгуй (Темиргой)	15,000	8,168
Бесленейцы.	25,000	5,115
Мохошовцы.	5,000	5,000
Убыхи.	19,000	25,000
	527,000	315,549.

Въ черкесскому племени (адиге) мы должны причислить и *Убыхоовъ*, жившихъ по берегу Чернаго моря, на юговостокъ отъ Натухащевъ, между рѣками Эюбзе и Хамишь (или Хоста), въ двухъ урочищахъ, Вардане и Саше.

По происхожденію и языку, убыхи вовсе не принадлежатъ къ племени адиге; но, по нравамъ, обычаямъ, общественному устрой-

(*) Общій взглядъ на страны, занимаемая горскими народами, называемыми черкессами (адиге) и проч. Л. Дюлье. Зап. Кавк. отд. Им. рус. геогр. общ. кн. 4-я, изд. 1857 г.

(**) Воспомин. кавказскаго офицера. „Рус. Вѣстн.“ 1864 г., № 9.

(***) „Русскій Вѣстникъ“ 1842 г., т. 6.

(****) Кавк. календарь на 1858 г. Статья Ад. Пет. Берже.

ству и, наконецъ, по всеобщему употребленію у нихъ черкесскаго языка, наравнѣ съ природнымъ языкомъ, должны быть причислены къ группѣ черкесскихъ племенъ (*).

Все пространство, занятое племенемъ адиге, имѣетъ въ топографическомъ отношеніи двойственный характеръ. По направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, земли племени адиге пересекаются главнымъ кавказскимъ хребтомъ, который, начинаясь отъ Анапы—въ углу между устьемъ Кубани и Чернымъ Моремъ—до мыса Адлера подступаетъ къ самому морю. Далѣе, поворачивая на юго-востокъ, хребетъ удаляется внутрь кавказскаго перешейка, а морской берегъ, описавъ дугу, постепенно отходитъ отъ горъ.

При началѣ своемъ и до р. Мдзымты, впадающей въ Черное Море на м. Адлерѣ, водораздѣльный или главный хребетъ, имѣя еще незначительную высоту, тянется не прямолинейно, а по извилистому направленію и состоитъ изъ отдѣльныхъ частей, связанныхъ перемычками, образующими въ мѣстахъ соединенія узлы, или центральные пункты горъ, которыя даютъ начало рѣкамъ—съ одной стороны сѣвернымъ, съ другой—южнымъ.

Самый замѣчательный узелъ представляетъ гора Оштенъ, достигающая до 9,359 футовъ абсолютной высоты и дающая начало рѣкамъ Бѣлой (Схагуаше), Пшехе, Шахе и др. Отъ своего начала и до р. Туапсе водораздѣльный хребетъ не имѣетъ альпійскаго характера; высота его не превышаетъ 5,000 футовъ и довольно быстрое возвышеніе его простирается до горы Оштенъ, а отсюда до р. Мдзымты онъ поднимается довольно однообразно.

На всемъ этомъ пространствѣ высота его ниже предѣла снѣговой линіи, начинающейся въ вершинахъ абхазскихъ горъ.

По объѣмъ сторонамъ водораздѣльнаго хребта, и почти параллельно ему, тянутся по три хребта съ южной и съ сѣверной стороны.

Всѣ эти второстепенные южные хребты прорваны главнѣйшими рѣками, вытекающими изъ водораздѣльнаго хребта, каковы: Туапсе, Псавуапсе, Аше, Шахе, Соча и Мдзымта. Второй хребетъ даетъ начало второстепеннымъ рѣкамъ: Дедеругай, Шепси, Мокуапсе, Дагомысь, Мецоста, Хоста, Псоу и др. Всѣ эти рѣки и рѣчки прорываютъ третій и послѣдній хребетъ, изъ котораго вытекаютъ уже рѣки третьяго разряда.

(*) Относительно раздѣленія черкесскаго народа на племена и происхожденія названій каждого изъ нихъ см. „О этнографическихъ дѣйствіяхъ черкесовъ и чеченцевъ въ нашихъ предѣлахъ“. Кавк. 1857 г., № 26. „Свѣдѣнія объ атыкейцахъ“ Шахъ-Бегъ-Мурзина. Кавк. 1849 г. № 39. „Племя адиге“ Т. Магарова. Кавказъ 1862 г., № 29.

Продольные хребты горъ, соединившись съ поперечными по обоимъ берегамъ рѣкъ, слѣдуютъ по ихъ теченію и круто упираются въ море, образуя у устья рѣкъ небольшія долины.

Такое, пересѣченное по всѣмъ направленіямъ, строеніе горъ представляетъ всю мѣстность состоящую изъ ряда котловинъ, окруженныхъ со всѣхъ четырехъ сторонъ высотами и тѣряющихъ свой нагорный характеръ по мѣрѣ приближенія къ морю.

Одинаковое по всему протяженію направленіе горныхъ хребтовъ придаетъ общій характеръ теченію южныхъ рѣкъ: всѣ онѣ состоятъ изъ двухъ главныхъ истоковъ, сѣвернаго и восточнаго и, по соединеніи ихъ, текутъ перпендикулярно къ морскому берегу. Имѣя много восточныхъ и мало западныхъ притоковъ, почти всѣ рѣки, при своихъ устьяхъ, лѣвымъ берегомъ весьма близко подходятъ къ горамъ, а по правому ихъ берегу пролегаютъ болѣе или менѣе широкія поляны.

По мѣрѣ поднятія хребта и удаленія его къ юго-востоку отъ Чернаго Моря, система рѣкъ видоизмѣняется относительно количества водъ и быстроты ихъ теченія. Чѣмъ выше источникъ рѣки, тѣмъ больше количество тающего снѣга, тѣмъ больше количество воды, тѣмъ круче паденіе, а слѣдовательно и теченіе быстрѣе. Рѣка Туапсе не имѣетъ, напримѣръ, такого обилія водъ и быстроты теченія, какое имѣетъ берущая начало гораздо выше ея р. Мдымта, имѣющая вполне характеръ горной рѣки. Многія рѣки этого пространства бываютъ маловодны, нѣкоторыя пересыхаютъ вовсе, но весною онѣ отличаются обиліемъ воды, и даже многія балки, сухія лѣтомъ, весною, при таяніи снѣговъ, наполняются водою (*).

Обрѣзанныя вертикальными уступами и покрытыя густою растительностію, прибрежныя скалы бываютъ въ это время изсѣчены потоками.

Черное Море, пролегая у подошвы скалъ главнаго кавказскаго хребта, начиная отъ Геленджика и до Гагръ, отмыло оконечности горныхъ вряжей, но почти нигдѣ не проникло внутрь материка. Отъ того берегъ имѣетъ почти прямолинейное очертаніе, и только въ немногихъ мѣстахъ, вдаваясь въ море, образуетъ короткіе и тупые мысы, или, уступая непрерывному дѣйствію, море изгибается внутрь пологими дугами. Частные морскіе приливы набросали къ подошвѣ горъ узкую полосу песку, щебня и камня, шириною отъ 5 — 10 сажень, отдѣляющую уровень воды отъ оконечностей горныхъ хреб-

(*) I. Стебницкій. „Географическія замѣтки о восточной части Закубанскаго края“. Кавказ. Календ. на 1867 г.

темъ и составляющую единственныйъ путь для сообщенія между собою жителей, раздѣленныхъ прибрежными горами. Но при всемъ томъ дорога эта, состоящая изъ округленнаго булыжнаго камня небольшихъ размѣровъ, по подвижности каменной массы весьма неудобна даже и для верховой ѣзды (*).

Во время морскихъ прибоевъ, волны, ударяясь въ самое подножье крутыхъ скалъ, не только превращаютъ по этому пути всякое сообщеніе, но и разрушаютъ постепенно самый берегъ (**).

Вообще, существуетъ весьма мало хорошихъ продолжныхъ сообщенийъ между поселеніями, расположенными по ущельямъ главныхъ рѣкъ или ихъ притоковъ.

Южная часть Закубанскаго края, отъ понижавшагося на сѣверо-западъ главнаго хребта, представляетъ, въ общемъ характерѣ, рядъ терасъ, постепенно уменьшающихся въ высотѣ, по мѣрѣ приближенія ихъ къ Черному Морю. Всѣ терасы изрѣзаны болыимиъ членистыми рѣкъ и ихъ притоковъ, выводящихъ свои воды въ море. Самыя возвышенныя мѣста составляютъ скалистые вершины; ниже ихъ, возвышенности, въ 6,000 футовъ, владѣютъ прекрасными пастбищными мѣстами, а, спускаясь постепенно внизъ, встрѣчается громадныя мѣста, по преимуществу сосновые. На высотѣ 4,000 футовъ надъ уровнемъ моря растутъ уже чинары и грецкія орѣхи. Прибрежная полоса владѣетъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ фруктовыхъ деревьевъ, производящихъ плоды весьма хорошаго качества.

Недостатокъ значительныхъ равнинъ дѣлаетъ южную часть Закубанскаго края неспособною для исключительнаго занятія жителей хлѣбопашествомъ, но садоводство, винодѣліе и шелководство могутъ имѣть здѣсь широкое примѣненіе. Около м. Адлера растительность чрезвычайно разнообразна. Мирта, кипарисъ, пальма, перовитыя дикими виноградомъ и вьющимися растеніями, переобтравшими съ дерева на дерево живописными фестонами, видны повсюду; полевые цвѣты весьма разнообразны и отличаются богатствомъ красокъ (**). Мѣстность южной части Закубанскаго края превосходить, въ этомъ отношеніи, южные берега Крыма, какъ потому что она разнообразнѣе, южнѣе по широтѣ, такъ и по обилію водъ ея орошающихъ. Един-

(*) Тамъ же. См. также „О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ“ Н. Карлгоа. „Рус. Вѣст. 1860 года, т. XXVIII № 16.

(**) „О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ, населяющихъ сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря. Н. Карлгоа. Рус. Вѣст. 1860 года № 16.

(***) Краткое описаніе глав. торг. пут. сообщенія Закавказскаго края И. Дюруасси. Запис. Кавказ. отд. Им. рус. геогр. общ. книга 1-я изд. 1862 г.

ственный и весьма важный недостатокъ ея — неимѣніе почти во-все бухтъ и пристаней для судовъ. За то сообщеніе ея черезъ главный хребтъ съ хлѣбородною полосою сѣверной части Кубанской Области довольно удобно.

Что касается климатическихъ условій, то, конечно, климатъ этой мѣстности нельзя назвать вполне здоровымъ и благопріятнымъ для поселенцевъ. Прибрежная полоса имѣетъ мѣстами дурной климатъ, особенно при устьяхъ рѣкъ, по большей части раздѣляющихся на нѣсколько рукавовъ. Задерживаемая напосами съ моря булыжного камня, вода въ этихъ рукавахъ закружается; часть ея медленно просачивается, а остальная, застаиваясь, образуетъ болота и заражаетъ воздухъ.

Въ нѣкоторыхъ горныхъ ущельяхъ, владеющихъ сильною растительностію, отъ паденія большаго количества листьевъ и сырости воздухъ пропитанъ миазмами. Всѣ эти неудобства и невыгоды климата возможно устранить: отличное состояніе здоровья туземнаго населенія, принесовъ, говоритъ въ пользу хорошихъ качествъ климата.

Въ восточной части Закубанскаго края находятся мѣсторожденія серебряной, свинцовой, мѣдной и желѣзной рудъ. По разсказамъ туземцевъ, на скалистой возвышенности Фишта находится мѣсторожденіе ртути. Нефть, горный деготь и горный воскъ составляютъ главнѣйшее богатство этой мѣстности. Бое-гдѣ, въ разныхъ мѣстахъ, попадаются и минеральные источники.

Вообще мѣстность эту, въ отношеніи поселеній, можно раздѣлить на горную, среднюю и низовую. Въ горной части, прилегающей къ главному хребту, характеръ самой мѣстности дѣлаетъ возможнымъ только жизнь горному. Въ средней части, по главнымъ рѣкамъ и ихъ притокамъ, находится много довольно обширныхъ полей; такъ, на рѣкѣ Мдзымтѣ поляны Агрыюртинская, Кбааба, и все пространство по ущелью Мдзымты, до впаденія въ нее рѣки Двиго. По рѣкамъ Сочѣ, Шахе, Аше, Песвуане и далѣе, до рѣки Туансе, весьма много мѣсть удобныхъ для поселенія.

Низовая часть, гдѣ горы незначительной высоты, вся удобна для населенія (*).

Таковы, въ общихъ очертаніяхъ, топографическія свойства прибрежья Чернаго Моря и южнаго склона кавказскаго хребта.

Съ сѣверной стороны водораздѣльнаго хребта также идутъ, параллельно ему, три хребта, съ крутыми, недоступными скатами на югѣ

(*) Географ. замѣтки о восточ. части Закубанскаго края І. Стеблицаго. Кавказск. Календарь на 1867 годъ.

и могили на сѣверѣ. Первый побочный хребетъ прорванъ рѣками, вытекающими изъ водораздѣльнаго хребта; части втораго хребта, прорваннаго тѣми же рѣками, имѣютъ видъ дуги, обращенной своею выпуклостію на югъ; третій и послѣдній хребетъ, же имѣя альпійскаго характера, отдѣляется отъ себя небольшошія возвышенія, которыя, слѣдуя между рѣками и подходя близко къ берегамъ ихъ, спускаются къ прикубанской равнинѣ. Здѣсь, на сѣверномъ склонѣ, орографическій характеръ горъ тотъ же, что и на южномъ: но мѣръ удаленія ихъ на юго-востокъ, онѣ постепенно возвышаются. Замѣательно, что отъ верховій р. Туапсе и до р. Сочи водораздѣльный хребетъ ниже параллельныхъ ему съ сѣвера и юга, а далѣе на востокъ онѣ принимаетъ совершенно обратный характеръ (*).

Отроги главнаго кавказскаго хребта наполняютъ и значительную часть Большой Кабарды, въ юго-западной ея части. Вся же сѣверо-восточная ея часть имѣетъ наклонъ къ сѣверу рѣкъ Малки и Терекъ. Въ Малой Кабардѣ пролегаютъ два хребта, почти параллельные между собою, изъ которыхъ одинъ раздѣляетъ ее пополамъ, а другой составляетъ южную ея границу (**). Страна эта не пользуется обиліемъ ни лѣса, ни воды.

Подошвы послѣднихъ уступовъ горъ, прилегающихъ къ кубанской равнинѣ и къ кабардинской плоскости, покрыты почти сплошь строевымъ лиственнымъ и хвойнымъ лѣсомъ и представляютъ мѣстность, изрѣзанную глубокими ущельями, тогда какъ пространство, прилегающее непосредственно къ Кубани и къ нижнимъ частямъ Лабы, является совершенною равниною, покрытою мелкимъ кустарничествомъ.

Обширная закубанская равнина и кабардинская плоскость пересѣчены многими параллельными рѣками и ручьями, изъ которыхъ главнѣйшія, какъ мы видѣли, берутъ свое начало изъ главнаго, а второстепенныя изъ побочныхъ хребтовъ. Всѣ онѣ сливаютъ свои воды или въ Кубань или въ Терекъ. Къ важнѣйшимъ рѣкамъ принадлежатъ: впадающія въ Кубань—Урупъ, Лаба (большая и малая), Схагуаше (или Бѣлая), Пширъ, Исекумъ, Афишь и Адагумъ, и впадающія въ Терекъ: Малка, Ваксакъ, Чегемъ, Черемъ и Урукъ.

Первостепенныя рѣки имѣютъ тотъ общій характеръ, что большую часть своего протяженія текутъ въ крутыхъ, возвышенныхъ берегахъ, быстро и по каменистому ложу. Глубина ихъ, при обыкновенной высотѣ воды, самая незначительная, такъ что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ дозволяютъ берега, онѣ проходимы въ бродъ. Тѣ же

(*) Тамъ же.

(**) О природѣ и хозяйствѣ Кабарды. Кн. Т. Г. Баратова. Кавк. 1860 г. № 73.

самыя рѣки, при таяннн снѣговъ въ горахъ и при сильныхъ продолжительныхъ дождяхъ, дѣлаются непроходимыми не только для пѣшихъ, но и для конныхъ: быстрое возвышеніе воды, имѣющей всегда значительное паденіе, даетъ теченію нхъ необыкновенно сильное стремленіе; но какъ быстро возвышается вода въ рѣкахъ, такъ быстро она и спадаетъ.

Чѣмъ болѣе эти рѣки входятъ въ горы, тѣмъ болѣе дѣлаются затруднительными переправы черезъ нихъ, по причинѣ утесистыхъ береговъ и быстроты теченія, и тамъ, гдѣ нѣтъ мостовъ, переправы невозможны. Не менѣе важныя препятствія представляютъ *шладцы*, или черныя рѣчки, а также безчисленныя каналы, какъ по глубинѣ, такъ и по шловатому своему дну. Переправы черезъ нихъ могутъ производиться только по мостамъ.

Рѣки второстепенныя, притоки главныхъ, во большей части имѣютъ ту особенность, что въ верховьяхъ своихъ, гдѣ берега возвышены, текутъ однимъ русломъ, а по мѣрѣ своего приближенія къ Кубани, разширяются и образуютъ болота, переходъ черезъ которыя бываеъ не всегда возможенъ (*).

Притоки рѣки Терека часто, при выходѣ на равнину, раздѣляются на нѣсколько рукавовъ, образующихъ острова, особенно при своихъ устьяхъ.

Климатъ этой части мѣстности вообще здоровый; весна, во большей части, дождливая, лѣто сухое и жаркое, вѣтры весьма часты. Зима обыкновенно наступаетъ въ началѣ декабря и продолжается до половины февраля. Въ январѣ морозы достигаютъ иногда до 20 градусовъ; но глубокіе и большіе снѣга рѣдко выпадаютъ.

Горная часть Кабарды, отъ р. Чегема до Терека, вся покрыта лѣсомъ, а въ Малой Кабардѣ лѣсъ растетъ только по сѣверному склону горъ, образующихъ южную ея границу. Чинаръ, букъ, липа и рѣдко дубъ наполняютъ лѣса; яблоки, груши и другія фруктовыя деревья преимущественно растутъ въ низменныхъ мѣстахъ лѣсной полосы; виноградъ попадаетъ только около слиянія рѣкъ Баксана и Малки. Многіе изъ черкесскихъ лѣсовъ до того были часты и болотисты, что проходъ по нимъ былъ если не невозможенъ, то весьма труденъ. Все пространство закубанской равнины и Кабарды, непокрытое лѣсомъ, есть обширное плодородное мѣсто, весьма пригодное для пастбища скота, пашни и покосовъ. Трава здѣсь отличается своимъ ростомъ и необыкновенною питательностью. «Одинъ годъ—теленосъ,

(*) Изъ рукописи, доставленной мнѣ П. В. Кузьминскимъ.

а другой годъ—корова», говоритъ черкесская поговорка, лучше всего выражающая питательность мѣстной травы:

Земледѣліе вообще находилось въ первобытномъ состояніи. Между туземцами этого населенія уважался не тотъ, кто мирно занимался хозяйствомъ и торговлею, не тотъ, кто богатѣлъ мирными трудами рукъ своихъ, а тотъ, кто пріобрѣталъ добычу съ бою и ризывалъ при этомъ жизнь.

Небольшіе посѣвы кукурузы, проса, очень рѣдко пшеницы, окружали аулы, и недостаточны были даже для прокормленія семейства.

Туземцы постоянно покупали хлѣбъ, тогда какъ, по богатству почвы и излишку въ землѣ, они могли бы жить хлѣба съ избыткомъ. Причиной малой заботливости о хлѣбопашествѣ было отсутствіе коземельной собственности. Каждый пользовался землею около аула, какую успѣлъ захватить, и подобный порядокъ велъ къ множеству споровъ и нескончаемыхъ тяжбъ.

Садоводство и огородничество въ особенности терпѣли отъ этого: никто не рѣшался заняться ими, изъ опасенія, чтобы общество не отняло обработанную и удобренную землю.

Лѣса считались общественными, принадлежащими всему народу нераздѣльно.

Каждый могъ пользоваться лѣсомъ для собственной нужды, но для того, чтобы продать лѣсъ, должно было внести опредѣленную сумму денегъ въ общественный капиталъ.

Главное богатство черкесовъ, особенно кабардинцевъ, составляли: пчеловодство, огромные табуны лошадей и отары овецъ; какъ тѣ, такъ и другіе славились своею доброкачественностью. Кабардинская лошадь не требуетъ особаго ухода, пасется круглый годъ въ полѣ и питается зимою кореньями травъ, вырываемыхъ ею изъ-подъ снѣга копытами. Лошади кабардинскія не знаютъ ковки, но въ теченіе цѣлаго мѣсяца легко дѣлаютъ переходы отъ 60 до 100 верстъ въ день, безъ дневовъ.

Произведенія мѣстной промышленности состояли изъ довольно грубаго сукна, извѣтнаго подъ именемъ черкесскаго; бурокъ, отличавшихся своею легкостью и непромокаемостью; равныхъ кожаныхъ вещей, шитыхъ серебромъ; пистолетныхъ чашловъ, чапраковъ, чевякъ (особый родъ обуви) и чрезвычайно удобныхъ арчаковъ съ подушками (*).

Вообще, промышленность и торговля туземцевъ были незначи-

(*) О природѣ и хозяйствѣ Кабарды. Кн. Т. Г. Баратова. Кавказъ 1860 г. № 73. Вѣсти съ Кубани. Московскій Вѣстникъ 1860 г. № 2.

толены. Въ горахъ изготовлялись оружіе и земледѣльческія орудія, но какъ тѣ, такъ и другія не отличались своею добротачественностью. Залубанскіе черкесы приготовляли вино, бѣлое и красное, которое, вопреки запрещенію корана, составляло необходимую принадлежность каждаго пира. За неимѣніемъ денегъ, торговля была мѣновая. Горцамъ были известны только русскіе рубли да абазы (двугривенные), и то въ обращеніи ихъ было весьма немного.

Главная промышленность черкесовъ, доведенная до довольно высокой степени, было ювелирство. Они имѣли искусныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которые особенно отличались изобрѣтеніемъ рисунковъ для черниды на серебрѣ, и покрывали ею рукоятки пистолетовъ, шаблѣ, ножни кинжаловъ и проч.

Вывозъ съ черкесскаго берега состоялъ въ медѣ, воскѣ, кожахъ, дѣсѣ, масле и другихъ произведеніяхъ, а главный привозъ составляла соль, въ которой черкесы крайне нуждались, и пріобрѣтеніе которой заставляло туземца ходить на мѣновые наши двory, устроенныя въ разныхъ пунктахъ кавказской линіи, или платитъ ногоайскимъ мурзамъ скотомъ или кровью....

III.

Религія черкесовъ и ихъ суевѣріе.—Вѣрованіе въ существованіе различнаго рода духовъ.—Народныя легенды.—Колдуны и вѣдьмы.—Гаданіе.

Въ прежнее время, черкесы всё исповѣдывали христіанскую религію. Пѣсни, сказки и преданія черкесовъ свидѣтельствуютъ, что христіанство введено было при Юстиніанѣ, что при немъ воздвигнуты были храмы, поставлены священники, изъ которыхъ главный жилъ между рѣчками Налъчикомъ и Черекомъ. По свидѣтельству древнихъ писателей и лицъ, посѣщавшихъ ихъ земли (*), черкесы называли себя христіанами, имѣли священниковъ, крестили дѣтей своихъ по достиженіи ими восемнадцатилѣтняго возраста, или вообще по совершеннолѣтіи. Имена новорожденнымъ давали по имени перваго встрѣтившагося иностранца, или въ честь дѣдовъ и отцевъ. По тогдашнему обычаю, въ церковь могли входить только шестидесятилѣтніе старцы, переставшіе уже вести разбойническую жизнь; остальные мо-

(*) Георгій Иттеріано, посѣтившій восточный берегъ Чернаго Моря между 1550 и 1557 годами, пишетъ о черкесахъ какъ о христіанахъ; спустя 50 лѣтъ, около 1637 года, доминиканецъ Іоаннъ Лужскій уже сообщаетъ, что между черкесами появилось магометанство. См. Остатки некогда бывшаго христіанства на Кавказѣ П. Хицунова. Кавказъ 1846 г. № 35. Начало христіанства въ Закавказьѣ и на Кавказѣ П. У. Сборникъ свѣд. о кавказскихъ горцахъ, выпускъ II, 1869 г.

люди и пожилые люди становились у входа, или у церковного при-
твора. Не имѣя письменности на родномъ языкѣ, они слушали бого-
служеніе на греческомъ, котораго не понимали не только народъ,
но и сами священники.

Христианство явилось здѣсь не какъ догматическое ученіе, а
только какъ новый обрядъ. Оно дѣйствовало на чувство и вообра-
женіе народа видностью богослуженія, но не имѣлось его нравствен-
ныхъ понятій и внутренней жизни. «Въ обычай черкесовъ вошло со-
блюденіе нѣкоторыхъ постевъ, и тѣмъ легче, что, за исключеніемъ
особыхъ случаевъ, горцы постоянно крайне умѣренны въ пищѣ.
Дальнѣйшимъ стѣсненіямъ они не поддавались; такъ, напримѣръ, су-
пружескій уставъ ихъ остался въ совершенномъ противорѣчій съ
церковными предостереженіями» (*).

При такихъ условіяхъ, христианская вѣра не могла укорениться
вовлѣкъ среди черкесскаго народа, и, съ уменьшеніемъ числа священ-
никовъ, христіанскіе обряды стали мало-по-малу исчезать изъ па-
мяти народа. Обрядовая сторона религіи начала видоизмѣняться, а
съ видоизмѣненіемъ ея стали мѣняться убѣжденія и понятія народа
объ исповѣдуемой имъ религіи. Покинувъ церкви, черкесы, при мо-
литвахъ, обращались всегда на востокъ, зажигали въ домахъ восковыя
свѣчи и употребляли ладанъ. Въ этихъ остаткахъ христіанства на-
родъ прибавилъ свои собственные обряды, родившіеся отъ суевѣрія
и разныхъ предрасудковъ. Для молитвы собирались подъ тѣнь огром-
ныхъ деревьевъ, привязывали къ ихъ сучьямъ кресты, приноси-
ли жертвы и заканчивали пиромъ. Обрядъ этотъ носилъ названіе
ташы—богогодная жертва. За неизмѣнимъ рукоположеннаго священ-
ника, выбирали старика, надѣвали на него *дымчи*—бѣлую войлоч-
ную мантию — и тотъ, взявъ въ руки деревянную чашу, наполнялъ
ее виномъ или водкою, или даже бузою, и, обратившись къ востоку,
читалъ молитву, по большей части импровизованную; потомъ обра-
щался къ народу, призывалъ на него благословеніе неба и просилъ
исполненія того, о чемъ присутствующіе молились.

Потерявъ нить истинныхъ христіанскихъ обрядовъ, черкесы не
могли оставаться вовсе безъ религіи, въ состояніи несродномъ чело-
вѣчеству, и потому принимали къ своимъ религіознымъ вѣрованіямъ
понятіе о многобожій, установили посты и праздники въ честь раз-
ныхъ святыхъ и почитаемыхъ ими боговъ и, такимъ образомъ, не-
замѣтно для нихъ самихъ, отпали совершенно отъ христіанства.

Въ такомъ положеніи были религіозныя понятія черкесовъ, когда

(*) Начало христ. вѣр. в Закавказ. и на Кавказѣ.

въ концѣ XVIII столѣтія въ крѣпкихъ ихъ страны стало проникать ученіе Магомета. Религіозное усердіе крымскихъ хановъ, съ которыми чередясь бывалъ нѣкогда въ тѣсныхъ и частыхъ сношеніяхъ, распространяло магометанское ученіе, и изъ всѣхъ племенъ адиге кабардинцы первые стали исповѣдовать исламъ. Послѣ занятія турками Анапы, вліяніе турецкаго духовенства увеличилось число поклонниковъ и послѣдователей иже пророка, и мало по-малу исламъ, хотя и съ большими препятствіями, водворился между племенами, населявшими сѣверный склонъ кавказскаго хребта.

Народное преданіе сохранило разсказъ о томъ сопротивленіи, которое было противопоставлено племенемъ адиге распространенію магометанскаго ученія. Шапсуги, видя, что въ Анапѣ, въ Кабардѣ, на степяхъ ногайскихъ, распространяется магометанство, рѣшились и сами принять ученіе мединскаго пророка. Они построили мечети и стали молиться на югъ, а натухажцы, по прежнему, поклонялись кресту и молились на востокъ.

Слѣдуя новому ученію—распространять свою религію мечемъ—шапсуги въ значительномъ числѣ нанали на натухажцевъ, собрали всѣ кресты и сожгли ихъ. Послѣдніе, оскорбленные такимъ вторженіемъ, въ свою очередь ворвались въ землю шапсуговъ, разрушили и разорили всѣ ихъ мечети. Возникло междоусобіе, борьба двухъ религій, длившаяся, по сказанію народа, слишкомъ двадцать лѣтъ. Натухажцы ишли, по преимуществу, на востокъ, и, при заключеніи перемирій, упрекали шапсуговъ въ отступленіи отъ вѣры отцовъ.

— Вы, говорили они, наши братья, измѣнили закону предковъ, приняли новый, но мы не можемъ согласиться, чтобы вы послѣдовали Магомету, и требуемъ возвращенія къ старому закону.

Шапсуги оставались нѣмнѣ къ подобной просьбѣ; междоусобная вражда продолжалась. Оба племени нѣсколько разъ обращались съ жалобой къ анапскимъ пашамъ: одни просили удовлетворенія за сожженіе крестовъ, другіе за разрушеніе мечетей. Анапскіе паши, сами магометане, должны были естественнымъ образомъ принять сторону шапсуговъ, и старались прекратить вражду сключеніемъ натухажцевъ принять исламъ. Усилія ихъ долгое время оставались напрасными.

— Поклоненіе Распятію, отвѣчали натухажцы, старѣе магометанскаго ученія. Всѣ горцы нераздѣльно исповѣдывали Христа, и шапсуги, отложившись отъ закона предковъ, первые подали поводъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ оскорбленіемъ святыни.

Послѣ такого категорическаго отвѣта, казалось, трудно было

надѣяться на распространіе ученія Магомета между натухаццами. Однако анапскіе паши, разными путями и средствами, на первый разъ успѣли примирить оба поколѣнія, и каждое изъ нихъ осталось при своемъ желаніи, относительно исполненія религиозныхъ обрядовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, черкесы встрѣтили наступленіе настоящаго столѣтія. Въ теченіе этого времени магометанское духовенство дѣятельно распространяло свое ученіе между шапсугами и заботилось только объ одномъ—сдѣлать ихъ ревностными магометанами. Напротивъ того, натухаццы оставались совершенно забытыми, безъ пастырей и безъ наставниковъ. Священникъ Іоаннъ Хавровъ, посѣтившій черкесовъ, насчитываетъ, въ теченіе дѣлаго полустолѣтія, только шесть священниковъ, бывшихъ пастырями для всего христіанскаго или полухристіанскаго населенія племени адыге. За неимѣніемъ пастырей, натухаццы не могли сохранить твердость вѣровавшей и, рано или поздно, должны были отнестись отъ ученія христіанской церкви, что и случилось въ дѣйствительности. Въ первое десятилѣтіе нашего столѣтія, Гассанъ—паша Анапскій вступилъ съ значительнымъ войскомъ въ землю черкесовъ, и то угрозами, то большими подарками успѣлъ склонить всѣхъ черкесовъ къ принятію магометанства. Они дали присягу въ вѣрномъ соблюденіи правилъ корана и согласились принять къ себѣ духовныхъ наставниковъ, а этого было слишкомъ достаточно. Съ тѣхъ поръ господствующею вѣрою между черкесами была магометанская религія секты суннитской (*). Христіанскую религію исповѣдуютъ только черкесы, живущіе въ г. Мездокѣ, около Еубани, такъ называемые *яркомо-окопскіе* черкесы, и около Пятигорска. Первые принадлежатъ къ православному, а послѣдніе къ армяно-грегоріанскому вѣрованію.

Безпокойная, тревожная жизнь дѣлаетъ черкесовъ плохими мусульманами, а недостатокъ въ образованномъ духовенствѣ лишаетъ ихъ возможности основательнаго изученія правилъ этой религіи. Въ большей части народа, особенно въ низшемъ сословіи, религиозныя вѣрованія состоятъ изъ смѣси остатковъ христіанства и язычества, съ прибавленіемъ исламизма. Отъ христіанства у черкесовъ осталось только названіе дней въ недѣлѣ, да развалины бывшихъ церк-

(*) О состояніи некогда бывшаго христіанства на Кавказѣ. П. Хицунова. Кавказъ 1846 года № 35. Остатки христіанства между закубанскими народами. Іоанна Хаврова. Кавказъ 1846 г. № 42. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ или черкесскихъ племенъ. Шахъ-бекъ-Мурзина. Кавказъ 1849 г. № 36. О политическомъ устр. черкесскихъ племенъ. Н. Карлгова „Русскій Вѣстн.“ 1860 г. № 16. Вѣрованія, религиозныя обряды и предразсудки у черкесовъ. Д. Дюлье. Зап. Кавказскаго отд. Им. рус. геогр. общес. книга V изд. 1862. г.

вой (*), свідѣтельствующіе, что ученіе Христа было нечуждо и землѣ адиговъ.

Существованіе въ Бабардѣ нѣсколькихъ священныхъ книгъ, частыя находки зарытыхъ въ землю расплатій и глиняныхъ горшковъ съ угольями и ладономъ — неопровержимые свідѣтели присутствія между народомъ христіанства. Туземцы еще помнятъ то время, когда, поставленный въ саду или передъ домою, крестъ дѣлалъ ихъ неприкосновенными, и никто не осмѣливался входить въ домъ или сорвать что-либо въ саду. И теперь всякая вещь, оставленная въ полѣ безъ присмотра, но надъ которою поставленъ крестъ, остается священной и неприкосновенною. Имена дней въ недѣлѣ указываютъ также, что черкесы исповѣдывали нѣкогда христіанскую религію и принадлежали къ православной церкви. Такъ, средѣ черкесы называютъ *бираскесій*, а пятницу *бираскешиху*, т. е. малый и великій постъ (*бираск* значитъ постъ, *зій* — малый, а *иху* — великій); воскресенье, *таумафъ* (Божій день), считаютъ днемъ назначеннымъ для отдохновенія, и потому не работаютъ (**).

Необходимо замѣтить, что развитію магометанства много способствовали враждебныя отношенія между черкесами и русскими. Фанатическое ученіе магометанскихъ проповѣдниковъ сильно дѣйствовало на умы народа и, поджигая ихъ на войну съ русскими, льстило грубымъ чувствамъ независимости и хищничества. Преповѣдая новое ученіе, магометанское духовенство ходило вмѣстѣ съ народомъ на войну, на разбой, производило волненія, слѣдствіемъ которыхъ, какъ увидимъ ниже, былъ упадокъ власти князей и дворянства. Мало по малу духовенство слилось съ народомъ и приобрѣло среди его весьма большое значеніе. Эфендій и м для раздѣлялъ съ наѣздникомъ его труды и опасности, бойко сражался и, вмѣстѣ съ тѣмъ, игралъ важную роль на народныхъ собраніяхъ. Такими поступками муллы достигли того, что слово *шоугенъ*, означавшее на черкесскомъ языкѣ христіанскаго священника, означаетъ теперь медикъ, знающаго свойства травъ и умѣющаго лечить (***).

Будучи однако весьма плохо образовано, мало знавomo съ основаніемъ магометанскаго ученія, духовенство сообщило черкесамъ шаткія понятія о религіи, но успѣло однакоже увѣрить народъ, что гяуры, принудившіе Магомета спастись изъ Мекки въ Медину,

(*) Баронъ Сталь, въ своемъ сочиненіи, поименовываетъ шесть такихъ церквей.

(**) Остатки христ. и проч. Кавк. 1846 г. № 40. Свѣдѣнія объ атыхейцахъ. Шахъ-бекъ Мурзина. Кавк. 1849 г. № 37. Люлье Зап. ив. У. Зубовъ „Картини Кавк. край“.

(***) Сталь: „Очеркъ этнографіи черкескаго народа (рукопись).“

не кто другіе какъ русскіе; что правовѣрныхъ, павшихъ въ бою съ русскими, ожидаютъ райскія утѣхи, а тѣхъ, которые имъ поколятся, адскія муки.

— Всѣ реченгіи отъ Бога, говорила черкешенна одному изъ русскихъ плѣнныхъ; всѣ пророки отъ него, и передавали людямъ только одни его заповѣди. Сперва былъ посланъ Мусса (Моисей) просвѣтить умы еврейскаго народа и подготовить своимъ закономъ приходъ Иссы (Исуса), котораго чистое, возвышенное ученіе, по причинѣ его строгихъ правилъ, оказалось неудобноисполнимымъ для слабаго человѣческаго рода, продолжавшаго грѣшить черезъ безпрестанное нарушеніе ихъ. Тогда Аллахъ, въ благодти своей, послалъ Магомета смягчить законъ Иссы, опредѣливъ, что тотъ, кто не станетъ слѣдовать этому послѣднему ученію, непревышающему человѣческихъ силъ, будетъ осужденъ на вѣки вѣковъ.

Просвѣщенная горянка сожалѣла о заблужденіяхъ христіанъ, иновѣдующихъ, по ея собственнымъ же словамъ, болѣе чистое и возвышенное ученіе, чѣмъ она сама (*).

Эфендіи увѣрили суевѣрный народъ; будто-бы нашли въ коранѣ пророчество, по которому абадзехи, шапеуги и убмки никогда не будутъ подвластны русскимъ, если только станутъ защищать свою независимость, молиться и уважать духовенство. Полагая въ этомъ случаѣ всю свою надежду на лѣсъ, горы и на мнимую многочисленность, но не отрицая могущества Россіи, они обыкновенно говорили:

— Мы знаемъ, что русскіе богаты и пользуются житейскими удобствами. Богъ имъ далъ міръ, но они гяуры и будутъ всё въ аду; мы бѣдны, но жусульмане—и рай нашъ. Жизнь эта коротка—не протѣнаемъ блаженства будущей, вѣчной, на удобства проходящія (**).

Магометанство принесло народу только ту пользу, что приучило его къ вѣрованію въ единство Бога, въ безсмертіе души и въ будущую жизнь, гдѣ каждому воздается по дѣламъ земной его жизни.

Исламъ не коснулся однако большей части простаго класса черкесскаго народа, особенно жителей морскаго побережья отъ Геленджика до и. Хизе и долинъ къ нему примыкающихъ. Они оставались безъ опредѣленнаго вѣрованія, придерживались обрядовъ жертвоприношенія и возліянія. Деревянный, особой формы, яресть, прислоненный къ дереву, былъ единственнымъ символомъ

(*) Воспоминанія кавказскаго оендера. Рус. Вѣст. 1864 г. № 12.

(**) Запис. оенц. бывшаго въ плѣну у горцевъ, барона Торвау. Кавк. 1852 г. № 1 и 2.

ихъ поклоненія. У нихъ не было церквей, ни особыхъ молитвенныхъ домовъ или жертвенниковъ. Священные рощи, къ которымъ никто не смѣлъ прикасаться, замѣняли храмъ, были мѣстою для молитвы; въ святость такихъ рощъ и лѣсовъ, въ ихъ чудесную силу черессы вѣрили чистосердечно. Джемплоскій лѣсъ, напримеръ, былъ посвященъ богу изобилія (Тхагалеггъ), и ежегодно бѣлая телка приносилась въ этому лѣсу въ жертву. Въ 1841 году, когда генералъ Зассъ сдѣлалъ набѣгъ между рѣками Бѣлой (Схагуаше) и Пшекомъ, гдѣ находился Джемплоскій лѣсъ, онъ имѣлъ тамъ жаркое дѣло и самъ былъ раненъ. Черессы говорили и были увѣрены, что Господь наказалъ Засса за то, что онъ рѣшился пройти съ отрядомъ черезъ ихъ священную рощу. Спустя семь лѣтъ, въ 1848 году, генералъ Ковалевскій также сдѣлалъ набѣгъ на это урочище: набѣгъ былъ удаченъ и потеря незначительна. Абадзехи очень удивлялись счастливому исходу этого набѣга для русскихъ и заключили тѣмъ, что, вѣроятно, Ковалевскій есть *шейхъ* (святой), такъ счастливо вышедшій изъ дѣла.

Въ одной изъ такихъ рощъ, почитаемыхъ священными, собирался народъ для молитвы. Подъ открытымъ небомъ, гдѣ—нибудь подъ сѣнію развѣсистаго дуба, устроивалось нѣчто въ родѣ алтаря, украшеннаго простымъ деревяннымъ крестомъ грубой работы, и народъ возносилъ свои мольбы къ небу, призывая имя Всевышняго—*таишго*. Въ каждой долинѣ было по нѣскольку такихъ священныхъ рощъ съ причисленными къ нимъ извѣстнымъ числомъ домовъ или семействъ, составлявшихъ, такъ сказать, приходъ этой рощи, или *тахаганъ*. Богослуженіе совершалъ, въ званіи жреца, какой—нибудь старецъ, избираемый въ это званіе пожизненно. Онъ ставилъ прежде всего у дерева крестъ, облѣплялъ его свѣчами, зажигалъ ихъ и умывалъ себѣ руки и лицо. Накнувъ на себя бурю, снявъ шапку и ставъ на колѣни, онъ произносилъ громко молитвы, соответствующія празднику. По большей части, молитвы состояли въ простомъ прошеніи земныхъ благъ, урожая, дождя, избавленія отъ повальныхъ болѣзней и другихъ бѣдствій. Окончивъ молитву, жрецъ приступалъ къ закланію жертвъ, состоявшихъ изъ барана, козла или быка. Взявъ отъ креста одну изъ зажженныхъ на немъ восковыхъ свѣчей, онъ натиралъ ея воскомъ шерсть на лбу животнаго, предназначеннаго въ жертву, совершалъ надъ головою его возліаніе изъ приготовленной для того бузы и тутъ же закалывалъ жертву. Затѣмъ жрецъ бралъ въ одну руку пирогъ или лепешку, въ другую деревянный сосудъ, выточенный на подобіе чаши и наполненный бузою, и, вознеся все

это къ небу, вновь молился. По окончаніи молитвы, пирожекъ и сосудъ передавались старшему изъ присутствующихъ, а нѣсколько такихъ же пирожковъ и чашъ другимъ предстоящимъ, которые передавали ихъ слѣдующимъ: это замѣняло причастіе, послѣ котораго каждый обходилъ три раза вокругъ креста. Между тѣмъ, голову животнаго, принесеннаго въ жертву, насаживали на длинный шестъ, утвержденный въ землѣ, гдѣ-нибудь по близости креста, а изъ мяса приготовляли пищу; кожа убитаго животнаго отдавалась жрецу. Во время приготовленія пищи, старшии и старухи, ваявшись между собою за руки, составляли кругъ и плясали подъ звуки пѣсень особаго напѣва. Къ старымъ присоединялись молодые и скоро веселье дѣлалось всеобщимъ.

Вромѣ наготовленнаго мяса, каждое семейство приносило съ собою кругленькій столикъ, *пасту*, пирожки съ сыромъ и прочія кушанья. Размѣстившись на землѣ вокругъ столиковъ, человекъ по четыре за каждымъ, главы семейства принимались за пищу и питье. Молодые люди не участвовали въ пиршествѣ; они разносили яства и напитки, прислуживали старшимъ и довольствовались остатками приготовленныхъ кушаній. Женщины составляли отдѣльный кружокъ и старались скрыть отъ мужчинъ, что занимаютъ ѣдою, въ особенности дѣвушки, которыя скорѣе соглашались остаться голодными, чѣмъ допустить себя до того, чтобы мужчина видѣлъ ихъ жующими (*).

Подобныя жертвоприношенія совершались у черкесовъ весьма часто, въ честь различнаго рода божествъ и высшихъ покровителей. Вѣруя въ единого Бога и называя его *та* и *таръ*, черкесы признавали божество въ трехъ лицахъ: *Та-Шхуо* (великій Богъ), *Маріамъ-Та-Пши* (Марія-Богъ-внязь) и *Шертунъ* (смыслъ и значеніе этого слова утрачены), но, въ то же время вѣрили и молились множеству различнаго рода покровителей. Такъ, по понятію народа, существовалъ *Зайнутъ*, покровитель наѣдниковъ; *Емишъ*—покровитель овецъ; *Хестуашъ*—дѣва водъ морскихъ и *Цестуашаха*—дѣва водъ рѣчныхъ; *Хястуашъ*—дѣва, покровительница садовъ; *Бодесъ*—богъ въ видѣ рыбы, удерживающій море въ предѣлахъ береговъ; *Мезитъ*—богъ дѣсовъ и покровитель охотниковъ. Его молили объ удачѣ во

(*) Врванія, религиозные обряды и предрасудки у черкесовъ. Л. Люлье. Записки Кавк. отд. Императорск. рус. геогр. общества; книга V, изд. 1862 г. Запублечскій вѣст. въ 1864 году. П. Невскій. Кавказъ 1868 г. № 98. Этнографическій очеркъ черкесскаго народа Стала (рукопись). О политичес. устройствѣ черкесскихъ племенъ. Н. Карлгофа. Рус. Вѣст. 1860 г. № 16. Краткое описаніе восточнаго берега Чернаго Моря и племенъ его населяющихъ. Карлгофа (рукопись). Секретная записка въ текущихъ дѣлахъ штаба Кавк. воен. округа.

время охоты и представляли себѣ ѣдущимъ на золото-щетиистой кабанѣ. Народъ вѣрилъ, что, по мановенію Мезитха, собираются на луга всѣ олени и лоси и божественныя дѣвы доятъ самокъ ихъ.

Въ честь всѣхъ этихъ боговъ приносились жертвы. Такъ, послѣ каждаго удачнаго набѣга, чересы отдѣляли лучшую часть добычи въ пользу Зейгута, и, отнеся ее въ священную рощу, вѣшали на деревья. Многіе лѣса наполнены и до сихъ поръ множествомъ приношеній, состоящихъ, по преимуществу, изъ стараго оружія и металлическихъ вещей. *Хемсуаши* чествовали пляскою на берегу моря, а въ честь *Псеуашаха* полоскались въ водѣ и обливали другъ друга.

Громъ и вообще гроза особенно сильно дѣйствовали на воображеніе народа и внушали ему безотчетный страхъ. Чересы благоговѣли передъ *Шибле*—богъ грома—и представляли себѣ его соперникомъ *Ташхуо* великаго бога. По сказанію народа, старшинство этихъ двухъ боговъ сомнительно.

— Если богъ Шибле разсердится, говорили чересы, то врядъ-ли Ташхуо найдетъ себѣ мѣсто гдѣ упрятаться (*).

Вѣрованіе въ значеніе и силу Шибле простиралось до того, что убитаго громомъ считали блаженнымъ и погребали его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ. Чересы думали, что погибнуть отъ молніи—очень святое дѣло: по ихъ мнѣнію, погибающему ангелъ приноситъ этотъ знакъ небснаго благоволенія. Животныя, убитыя громомъ, хоронились также на мѣстѣ смерти.

Погребеніе это совершалось съ особенною церемонією, отличною отъ обыкновенныхъ похоронъ. Г. Люлье, бывший свидѣтелемъ обряда совершеннаго надъ тремя козами, убитыя громомъ, пишетъ: «Около козъ составилъ кругъ и началась обычная пляска съ напѣвомъ, въ которомъ часто повторялись слова: Шибле (громъ) и Яліи (Илья). «Между тѣмъ, нѣсколько человекъ отправились въ лѣсъ, нарубили жердей и кольевъ, устроили изъ нихъ, на четырехъ столбахъ, довольно высокой помостъ, уложили на немъ козъ и накрыли ихъ листьями. Помостъ дѣлается высокой для того, чтобы упрятъ трупы козъ отъ хищныхъ звѣрей. Въ то время, когда одни устраивали помостъ, другіе успѣли сходить въ аулъ и принести оттуда разныхъ съѣстныхъ припасовъ, въ томъ числѣ и нѣсколькихъ живыхъ козъ. Эти послѣднія тутъ же были принесены въ жертву, съ обрядомъ возліанія, а головы ихъ надѣты на высокіе шесты, воткнутые въ землю около помоста. Вся эта процедура называется *шибласта*.

(*) Баронъ Сталь. Этнографическій очеркъ чересскаго народа (рукейскъ). Военно-ученый арх. глав. шт.

«Устроеннаго помоста козлемъ и козъ нитю не трогають, и все остается до совершеннаго разрушенія и истлѣнія. Пола приготова-лись яства и варилаась паста, замѣняющая хлѣбъ, молодежь обоего пола плясала съ рвеніемъ; веселость и одушевленіе были общія. Когда все было приготовадено, насъ накормили и только тогда отпу-стили въ путь» (*).

По обычаю, надъ тѣломъ убитаго животнаго празднованіе происходило въ теченіе трехъ дней, а надъ тѣломъ человѣка, семь дней. Случалось, что родственники поздравляли другъ друга съ особенною честію, которую даровало имъ небо. Разбитое или расколотое громомъ дерево составляло для народа предметъ особаго уваженія и часто ему приписывали пѣлебное свойство, напримѣръ исцѣлять отъ лихорадокъ. Въ одному такому дереву стекались страждущіе со всѣхъ концовъ. Большой пріѣзжалъ съ запасомъ приношеній, большею частію пирожекъ, которые и съѣдались его спутниками. Ку-сокъ дерева зашивался въ доскуть матеріи, надѣвался больному на шею, съ тѣмъ чтобы онъ носилъ его постоянно, а остатокъ матеріи навѣшивался на дерево, сучья котораго были перенесены подобными приношеніями.

Съ наступленіемъ осени и въ день уборки хлѣбовъ, черкесы при-носили благодарность Богу *Тыз* за прошедшее лѣто и молили его объ обиліи хлѣба и плодовъ земныхъ на будущее время. Сохране-ніемъ стада своихъ считали себя обязанными *Ажму*, покровителю рогатаго скота, которому приносили жертву. Въ одну изъ запо-вѣдныхъ роць приводили корову и привязывали къ ея рогамъ куски хлѣба и сыра. Собравшіеся окрестные жители толпою сопро-воджали въ лѣсъ корову и закалывали ее. Послѣ того, корову эту, называемую *ажмовою коровою*, для снятія кожи и раздѣленія на части переносили на другое мѣсто, а мясо варили въ котлахъ на третьемъ мѣстѣ и, наконецъ, кушанье переносили на мѣсто пирше-ства. При каждомъ перенесеніи, присутствующіе, взявшись за руки и образовавъ кругъ, съ пляскою, пѣснями и съ обнаженными голова-ми сопровождали принесенную жертву. Въ народѣ существовало пре-даніе, что въ прежнее время, передъ приближеніемъ праздника *Аж-ма*, одна изъ коровъ, принадлежавшихъ семейству *Тылуаго* (что, въ переводѣ, означаетъ *божій пастухъ*), ревомъ и другими примѣтами указывала, что она назначена въ жертву, и сама отправлялась въ

(*). Върованія, религіозные обряды и предрасудки у черкесовъ. Л. Люлье. За-писки Кавк. отд. Имп. рус. геогр. общес. книга V, изд. 1862 г.

священную рошу, отчего иногда и называется «челе тлорскуо, т. е. ходячая корова».

Почти въ одно время съ нашими праздникомъ Рождества Христова черкесы совершали празднованіе въ честь *Созериса*, божества покровительствующаго хлѣбопашцамъ, обилію и домашнему благосостоянію. Пришествіе Созериса ожидалось и ожидается до сихъ поръ съ особеннымъ благоговѣніемъ, и существуетъ новѣрье, что онъ отправился пѣшкомъ по морю, и точно также возвратится. Олицетвореніемъ этого божества служилъ деревянный обрубокъ, съ семью суками, вырубленный непремѣнно изъ дерева, извѣстнаго подъ именемъ *тамшутъ*. Обрубокъ этотъ, въ теченіе цѣлаго года, тщательно сохранялся въ амбарѣ каждаго дома, и, кромѣ того, былъ еще общій, принадлежавшій всему селенію.

Вечеромъ, наканунѣ праздника, одна изъ молодыхъ женщинъ, преимущественно изъ послѣднихъ новобрачныхъ въ селеніи, одѣвшись въ самое нарядное платье, отправлялась въ домъ, гдѣ находился общественный обрубокъ. Имѣя въ рукѣ зажженную свѣчу, непремѣнно изъ числа оставшихся отъ прошлогодняго праздника, она зажигала ею всѣ свѣчи, прилѣпленныя на обрубокѣ, и соблюдала при этомъ правило, чтобы, при зажиганіи свѣчъ, лицо ея было обращено всегда на востокъ. Освѣтивъ весь домъ, женщина выходила изъ него, закрывала за собою дверь и становилась съ наружной стороны, у двери, такъ что закрывала собою входъ въ домъ. Толпа народа собиралась между тѣмъ вокругъ нея. Хромой старикъ бралъ въ руки палку, унизанную восковыми свѣчами, и обращался къ святому.

— Ай, Созерисъ! восклицала оны; отверзай намъ двери (ай Созерисъ, пчерухи тхечахъ).

Народъ вторилъ словамъ старца. Тогда молодая женщина открывала двери и толпа входила въ домъ. Старикъ, съ наклою, зажигалъ бывшія на ней свѣчи, читалъ молитву, а въ домѣ и внѣ онаго зажигали костры. По окончаніи молитвы, народъ расходился по домамъ, неся съ собою зажженную свѣчу.

Въ самый день праздника, всѣ члены семейства собирались вечеромъ въ амбарѣ, гдѣ каждый хозяинъ, съ непокрытою головою, вынесилъ своего идола на средину. Въ каждому суну его прилѣплялъ по одной восковой свѣчкѣ, приготовленной заранѣе изъ желтаго воска. Въ каждомъ домѣ на полкахъ хранились для этого, въ теченіе цѣлаго года, куски желтаго воска; подъ полками висѣли особые деревянные сосуды, назначенные исключительно для воздѣянія. Въ стѣ со свѣчами, къ тѣмъ же сукамъ обрубка привѣшивались пирож-

ки и пусочни сыра. Убравши таиннь образомъ своего истукана, ко-
зынь, съ торжествомъ и въ сопровожденіи всѣхъ своихъ домохо-
дцевъ, вносили его въ саклю. Поставивъ его на подушкахъ посреди
комнаты, всѣ присутствующіе члены семьи, безъ различія пола и
возраста, взявшись за руки, окружали обрубомъ, а хозяйка читала
молитву.

— Соверись! превносила она: благодаримъ тебя за урожай ны-
нѣшняго лѣта, молимъ тебя даровать и въ будущіе годы обильную
жатву. Молимъ тебя, Соверись, охранять наши хлѣба отъ кражи,
нашъ амбаръ отъ пожара.

Молитва эта произносилась съ разстановками, при которыхъ ок-
ружающіе идола дѣлали движенія вокругъ него и произносили въ
одинъ голосъ: *аминь*.

Замѣчательно, что послѣ молитвы идола терялъ сразу всю свою
святость и значеніе; его относили обратно въ амбаръ, безъ всякихъ
почестей, и сохраняли тамъ до праздника слѣдующаго года. Члены
семейства садились за ужинъ и, пользуясь праздникомъ, уничтожали
много пищи и вина (*).

За этимъ праздникомъ слѣдовалъ праздникъ *итлесъ* — новый
годъ. Годъ у черкесовъ состоялъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ и носилъ
названіе *тлесъ*. Названія мѣсяцевъ, или, по черкески, *маза*, были
даны согласно явленіямъ природы. Такъ, январь назывался *шелемазо*,
мятежь и снѣгъ; мартъ *атхемазо* — первый весенній мѣсяць; ап-
рѣль *мажма* — моръ на барановъ и проч. (**). Мѣсяць раздѣлялся на
тхамехо или недѣли, которыя состояли изъ семи дней (***).

Въ одинъ изъ зимнихъ мѣсяцевъ черкесы устраивали праздникъ
въ честь *народовъ* (богатырей), изъ которыхъ они особенно отличаютъ
Саузерука. Приготовивъ нушанье, часть ихъ относили въ мунахскую,
гдѣ и оставляли для пріѣзжаго, замѣнявшаго Саузерука, который, не-
смотря на всѣ ожиданія народа, до сихъ поръ не является, а между

(*) Инеологія черкесскихъ народовъ. Султанъ-ханъ-Гирекъ. Кавказъ. 1846 года
№ 35. Остатки христіанства и проч. Юсупъ Хазаевъ. Кавказъ 1846 г. № 40. Вѣ-
рованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесовъ. Д. Люлье. Записки Кавк.
отд. Имп. рус. геогр. общес. книга V.

(**) Февраль *шемазо-мазо* (последній мѣсяць зимы); май *вомазо-мазай* (мѣсяць
пащны); июнь *вомазо-маза* (первый лѣтній мѣсяць), июль *заматохъ-маза* (средня
лѣта); августъ *макоаю-маза* (сѣнокосное время); сентябрь *геою-маза* (уборка хлѣба
или ревь звѣрей); октябрь *ою-маза* (молотья); ноябрь *мошке-жую-маза* (первый
зимній мѣсяць). Авторъ не называетъ декабря, а редакция газеты оговорила, что
туземныя названія мѣсяцевъ, напечатанныя русскими буквами, не совсѣмъ ехидни
съ произношеніями туземцевъ. Свѣдѣнія объ атыкейцахъ Шахъ-бекъ-Муршиа
Кавк. 1849 г. № 37.

(***) Тамъ же.

тѣмъ и донынѣ, въ день праздника, для *буламы* лошади Сау-зрука заготавливаются сѣно и овесъ, а въ стойлѣ стелется солома. Появленіе въ этотъ день гостя поднимало праздникъ ненамѣтно вы-соко въ глазахъ хозяевъ и придавало имъ болѣе веселости; за не-пѣніемъ же гостя, пировали одни хозяева съ друзьями и сосѣдами.

У черкесовъ существовало нѣчто въ родѣ мясопуста и сыропу-ста православной церкви—*длеуменше* и *коаяште*—праздники ис-полняемые ежегодно раннею весною, одинъ за другимъ, съ неболь-шими промежутками. Длеуменше въ буквальный переводъ означаетъ: *не пшъ мяса*, а коаяште—*взятіе сыра*. Въ эти дни у туземцевъ, во время стола, подавались пироги, начиненные сыромъ, а вечеромъ молодежь наряжала чучелу или муму въ какойнибудь странный ко-стюмъ.

Нѣкоторые изъ лицъ посѣщавшихъ черкесовъ свидѣтельствуютъ, что у нихъ существовала масляница, *улаш*, и великій постъ, *улаш*, продолжавшійся 48 дней (*); говорятъ, что черкесы признавали *чумаашъ*, вербный день или воскресенье мертвыхъ, и отправлялись въ этотъ день на могилы поминать родственниковъ. Въ теченіе цѣ-лаго поста черкесы собирали яйца, не употребляли ихъ ни для ка-кой нужды и разбить ихъ въ это время считали грѣхомъ. Наканунѣ пасхи красили яйца и ими разговлялись. Въ первое воскресенье по-слѣ гушгаха праздновали *кутмышъ* — пасху, и въ этотъ день яйца составляли непремѣнную принадлежность стола, точно также какъ небольшой пшеничный круглый хлѣбъ, съ изображеніемъ трехъ го-ловъ.

Съ наступленіемъ теплаго времени, и именно 7-го апрѣля, чер-кесы праздновали *лешышаташъ* — подарокъ свѣжими цвѣтами. Въ этотъ день дѣвцы и молодыя женщины толпами отправлялись въ поле, собирали цвѣты и дарили ими другъ друга, въ ознаменованіе и въ память того, что св. ангелъ, во время благовѣщенія, принесъ цвѣтокъ пресвятой дѣвѣ Маріи. Послѣ того праздновали день *воз-мешетія Господня*, приносили въ жертву агнежка, приготовляли изъ него обѣдъ и съ этого дня разрѣшалось употребленіе мяса. Смѣшивая праздникъ этотъ съ праздниками Св. Троицы и Сочествія Святаго

(*) Г. Дюлье говоритъ, что постъ продолжался не болѣе двухъ недѣль. Сравни „Остатки христіанства“ и проч. Іоанна Хазрова. Кавк. 1846 г. № 40 и ст. Дюлье: „Взрванія и проч.“ Записки Кавкаас. отд. Импер. русскаго геогр. общ. книга V изд. 1862 г. См. также „Краткое описаніе восточнаго берега Чернаго Моря и пле-менъ его населяющихъ“. Карягова. Рукопись въ текущихъ дѣлахъ штаба Кавказ-скаго военнаго округа.

Духа, черкесы убирали свои дома въ день Вознесенія Господня деревьями и цвѣтами.

Матерь Божию считали покровительницею пчеловодства. Въ народѣ сохранилась легенда, что въ то время—а когда оно было черкесы и сами не знают—когда всѣ пчелы погибли, одна, уцѣлѣвшая неизвѣстно по какому случаю, спрыгала въ рукавъ Богородицы, которая сберегла ее. Эта пчела произвела всѣхъ нынѣ—существующихъ. Въ честь Богородицы установлено было нѣсколько правдниковъ и постъ. Въ день *тызретыль*—божия дочь или господня дѣва—каждая дѣвица обязана была отнести на мѣсто моленія цыленка и тамъ приготовить изъ него кушанье. Собравшійся народъ подчивали этимъ дѣвичьимъ кушаньемъ и послѣ него пѣздравили присутствующихъ съ заговѣнемъ въ честь Богородицы. Пропостившись слѣдующую затѣмъ недѣлю, въ первое воскресенье праздновали *Марлемъ* и *ань* (или по указанію другихъ *Тышхуо-ань*), что происходило въ августѣ и соответствовало нашему Успенскому дню. Въ день этого праздника черкесы пѣли всенародно пѣснь въ честь Богородицы: «Великаго Бога мать, великая Марія, облаченная въ золото бѣлое, на челѣ имѣетъ луну, а вокругъ себя солнце».

Называя Св. Марію «матерью великаго Бога», черкесы нитали къ ней особенное благоговѣніе. Множество хвалебныхъ пѣсней въ честь Богородицы, длинный рядъ осеннихъ праздниковъ и, наконецъ, обычай прыгать лѣтомъ черезъ огонь, свидѣтельствуютъ о большомъ ея уваженіи среди народа. Прыгая черезъ огонь, туземцы просили Маріемъ о прощеніи грѣховъ и послѣ того считали себя очищенными отъ нихъ.

Въ этому давнему ряду праздниковъ мы должны прибавить праздникъ въ честь *Тлесса*—покровителя кузнецовъ, бога желѣза и оружія. Въ народѣ существуетъ преданіе, что *Тлессъ* былъ ремесломъ кузнецъ, отличавшійся святостію жизни и приготовлявшій такіа сабли, которыя разсѣкали цѣлыя горы желѣза. Тлессъ весьма уважается народомъ, такъ что имя его произносится въ родѣ клятвы или божбы. Въ день праздника, черкесы молились, дѣлали возліаніе на лемешъ и топорѣ и, по совершеніи обрядовъ, пили, ѣли и предавались забавамъ, изъ которыхъ главною была стрѣльба въ цѣль, преимущественно въ яйцо, представлявшее мишень и поставленное на видномъ мѣстѣ. Къ Тлессу прибѣгали съ молитвою объ излеченіи каждаго раненаго. Въ самлѣ раненаго, къ потолку ея, привѣшивали желѣзную полосу или клали у входа лемеша отъ сохи, и каждый посѣщавшій раненаго долженъ былъ ударить молоткомъ въ эту по-

лосу. Этихъ средствомъ отклонялись злые духи, заклинаясь богъ войны и унимался жаръ въ ранѣ.

Большому въ первое время не давали заснуть; цѣлая толпа знающихъ окружала его, шумно разговаривала, а дѣвушки, въ праздничныхъ нарядахъ, пѣли и плясали въ его избѣ. Этотъ шумъ и гамъ продолжался нѣсколько сутокъ, до тѣхъ поръ пока лекарь не объявлялъ, что больной внѣ опасности.

По преданію, *Тлепс* похороненъ въ лѣсу, извѣстномъ подъ именемъ *Гучипце-Говашаг*; до сихъ поръ черкесы показываютъ могилу его, усыпанную кругомъ желѣзными опилками (*).

Кромѣ *Тлепса*, черкесы почитали еще и многихъ другихъ лицъ, отличавшихся святостію своей жизни.

Всѣ жители, обитавшіе между бассейнами рѣкъ *Туапсе* и *Шахе*, почитали священнымъ мѣстамъ урочище *Ханъ-Кучій* (что, въ переводѣ, означаетъ священная роща), гдѣ и совершали богослуженіе. Посреди рощи находится могила; въ ней, по преданію, похороненъ человекъ, который дѣлалъ много добра ближнимъ, извѣстенъ былъ въ народѣ своего храбростію, умомъ и, доживъ до глубокой старости, былъ убитъ громомъ. Звали его *Кучій*, но какъ князь на мѣстномъ нарѣчій называется ханъ, то и роща получила названій *Ханъ-Кучій*.

По увѣренію туземцевъ, большие, принесенныя въ рощу, получали облегченіе, а просьбы молившихся у могилы всегда исполнялись. По воскреснымъ днямъ, въ рощѣ совершались богослуженія и приносились жертвы, особенно во время голода и разныхъ народныхъ невзгодъ и бѣдствій. Когда народъ собирался въ рощѣ, тогда закалывали жертву и кровью ея поливали могилу *Кучія*, а въ память жертвоприношенія вбивали въ дерево, растущее надъ могилой, желѣзныя или деревянныя кресты. Дерево все унизано танными крестами и, по наслоенію его, видно, что нѣкоторыя изъ нихъ вбиты болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Послѣ жертвоприношенія совершались молитвы; мясо животного раздавалось нищимъ; присутствующіе предавались потомъ пиршеству: ѣли, пили, плясали и стрѣляли въ цѣль. Жители окрестныхъ ауловъ, питаютъ особое уваженіе къ этой рощѣ, со страхомъ смотрѣли на то, какъ русскіе солдаты въ 1865 году рубили въ ней деревья. Промодники-туземцы просили позволенія

(*) Этнографическій очеркъ черкесскаго народа, барона *Стала* (рукопись). Остатки христіанства и проч. Кавказъ 1846 г. № 46, № 42. Мисіологія черкесскихъ народовъ Султанъ-ханъ *Гарей*. Кавк. 1846 г. № 35. Воспомин. кавказс. офицера. „Русскій Вѣстникъ“ 1864 г. № 12. Свѣдѣнія объ атыкейцахъ *Шахъ-бекъ-Мурзина*. Кавк. 1849 г. № 37.

не располагаться въ роцѣ вмѣстѣ съ оградомъ, а вмѣстѣ съ нимъ; уговаривали солдатъ не рубить деревья въ н, наконецъ, объявили, что русскимъ за такое охотничье преступленіе постигнетъ кара небесная.

Замѣчательно, что на одномъ изъ деревьевъ этой роци была прибитая дубовая доска, съ вырѣзанною на ней надписью плохими славянскими буквами: «Здѣсь потеряна православная вѣра. Сыны мой, возвратитесь на Русь, ибо ты отродье русское». Эта надпись даетъ нѣкоторымъ возможность предполагать, что небольшое племя, известное подъ именемъ ханучей, состояло изъ русскихъ выходцевъ, какъ говорятъ бѣжавшихъ когда-то некрасовцевъ, нашедшихъ пріютъ въ горахъ и одиночныхъ (*).

Изъ всего сказаннаго видно, что вообще жители морскаго побережья и горныхъ ущелій, не имѣя опредѣленныхъ религіозныхъ понятій, составили свою собственную религію, состоящую изъ смѣси язычества, христіанства и ислама. Не говорю о магометанскомъ сословіи черкесскаго народа, послѣдователи котораго все-таки имѣютъ какое-нибудь опредѣленное религіозное вѣрованіе. Но и тѣ, и другіе весьма шатки въ своихъ убѣжденіяхъ, и, будучи грубы и мало образованы, до крайности суевѣрны.

Суровая, но величественная природа породила въ сердцахъ вѣру въ существованіе множества духовъ: каждая рѣчка имѣетъ свою богиню (гоуаше), многія ущелья своихъ духовъ. Черкесы убѣждены, что никто не можетъ избѣгнуть судьбы своей; вѣрятъ, что есть дни счастливые и несчастные, что колокольчикъ спасаетъ отъ веровства, что существуютъ злое духи, привидѣнія и домовые. Многіе увѣряютъ, что сами ихъ ведѣли и съ большими трудомъ могли отъ нихъ скрыться. Существованіе духовъ разнаго рода и вида породили среди народа множество легендъ, нелишенныхъ поэтическаго достоинства. Приведу изъ нихъ болѣе замѣчательныя.

По преданію кабардинцевъ, на горѣ Эльбрусъ, а по сказанію другихъ поколѣній черкесскаго народа, въ верховьяхъ большаго Зеленчука, называемаго или Энджикъ-су, обитаетъ *джинь-надимаше*, духъ горъ, властитель духовъ и царь птицъ, которому известно все будущее. Онъ знаетъ, что за старую вину его могущественный *Тыа* пошлетъ великановъ покорить его мрачное царство; что великанамъ эти явятся изъ полуденныхъ странъ, гдѣ царствуетъ вѣчная зима. Съдовласому старцу не хочется разстаться со своими заоблачными владѣніями, которыя принадлежатъ ему отъ сотворенія міра, и вотъ, въ мучительной тревогѣ, онъ поднимается со своего ледянаго трона

(*) Экспедиція въ Ханучи въ 1868 году. А. Рюмковскій 3-й Кавк. 1867 г. № 97.

и зоветь со всѣхъ высей и пропастей Кавказа огромныя полчища духовъ противъ ожидаемыхъ великановъ русскихъ (*). «Когда онъ леталъ, то отъ ударовъ его крыльевъ тряслась земля, поднималась буря, море бушевало и, страшнымъ ревомъ своихъ волнъ, будило дремящихъ въ его пучинахъ духовъ.... Иногда со снѣжной вершины, гдѣ былъ тронъ царя, раздавались плачъ и стоны: тогда умолкало пѣніе птицъ, увядали цвѣты, вадымались и рывѣли потоки, вершины горъ одѣвались туманомъ, тряслись и стонали скалы, гремѣлъ громъ, все накрывалось мракомъ.... Порой неслись гармоническіе звуки и пѣніе блаженныхъ духовъ, витавшихъ надъ трономъ грознаго владыки горъ, желавшихъ пробудить въ немъ раскаяніе и покорность волѣ великаго *Тга*: въ это время облака быстро исчезали съ лазурнаго неба; снѣговыя вершины свергали какъ алмазъ; ручьи тихо журчали; цвѣты благоухали; повсюду водворялся миръ, тишина; но грозный старикъ не внималъ зову небесъ, угрюмо глядѣлъ въ будущее и изъ преисподней ждалъ помощи противъ русскихъ» (**).

Ежегодно, передъ новымъ годомъ, каждый кабардинецъ считаетъ своею обязанностію отправиться въ *джыма-падишаху*. Джигить, исполнившій такой обычай, цѣлый годъ будетъ имѣть удачу во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ: вражья пуля не достигнетъ до него, паша не прикоснется къ его тѣлу и онъ можетъ быть увѣренъ вполне, что жизнь его будетъ безопасна до тѣхъ поръ, пока не придетъ время вновь идти на поклоненіе духу. Но какъ дойти до него? гора Эльбрусъ не для всѣхъ близка, да и подняться на нее трудно, и потому жители, не имѣя возможности проникнуть туда, гдѣ пребываетъ духъ, отправлялись на поклоненіе къ урочищу *Татарь-Туна*.

Подъ именемъ Татарь-Туна (въ переводѣ: *мѣсто поды тамарами*), въ прежнее время извѣстны были у кабардинцевъ башни, или *жулаты*, обращенныя татарами въ минареты. Жулатъ значитъ *часовня для добродѣтельныхъ дателей*, и ихъ, въ старину, было весьма много по берегамъ Терека. Туда издравле ходили черкесы на поклоненіе и тамъ приносили жертвы; тамъ кончались всѣ ссоры, тамъ произносились клятвы. Черкесы часто и теперь, во время клятвы, произносятъ: «*татарь-туна немже самъ*», т. е. «да буду поды татарь-тупомъ хоть миллионъ разъ».

Кабардинцы до сихъ поръ питаютъ глубокое уваженіе къ кур-

(*) Отдаленныя непокорныя общества въ великанахъ видѣли русскихъ.

(**) Залубанскій край въ 1864 году. II. Вѣстникъ. Кавказъ. 1868 г. № 28.

ганами и древними развалинами, въ особенности къ урочищу Татарь—Тула, лежащему на западномъ берегу р. Терека, въ семи верстахъ ниже р. Комбуля. Съ понятіемъ о развалинахъ этихъ, кабардинцы сохраняютъ преданіе о существованіи близъ него какого-то большого города. Урочище и самыя развалины считаются убѣжищемъ для убійцъ, отъ преслѣдованія мстителей; здѣсь же прежде совершались все договоры и тѣ клятвы, въ точности исполненія которыхъ обѣ стороны хотѣли быть увѣренными.

При самомъ поклоненіи джигъ—падишаху горцы произносятъ какія-то таинственныя слова и, въ знакъ посѣщенія своего, кладутъ въ ущельѣ нѣсколько пуль, ножъ или какую-либо вещь. Тоже самое происходило и въ вершинахъ большого Зеленчука. Въ обихъ ущельяхъ можно встрѣтить множество пуль, стрѣлъ, ножей, шашечныхъ клинковъ и разнаго вида мечей, ржавѣющихъ тамъ съ незапамятныхъ временъ. Никто изъ туземныхъ жителей не рѣшался тронуть ихъ, изъ боязни прогнѣвить духа горъ (*).

На той же горѣ Эльбрусъ, по сказанію черкесовъ, на самой ея вершинѣ, прикованъ великанъ за какіе-то грѣхи. «На высокой снѣговой горѣ, на самой вершинѣ ея, есть громадный шарообразный камень, на которомъ сидитъ старикъ съ длинною до ногъ бородой; все тѣло его обросло сѣдыми волосами, ногти на рукахъ и ногахъ очень длинны и похожи на орлиныя когти; красныя глаза его горятъ какъ раскаленные угли. На шеѣ, по срединѣ тѣла, на рукахъ и ногахъ тяжелая цѣпь, которою прикованъ онъ съ незапамятныхъ временъ. Онъ прежде былъ близокъ къ великому *Тя* (Богу) за свое благочестіе; но когда вздумалъ свергнуть его и стать выше, то погибъ въ борьбѣ и прикованъ къ скалѣ на вѣчныя времена. Нѣмногіе его видѣли, потому что доступъ къ нему сопряженъ съ большими опасностями; никто не могъ видѣть его два раза: кто пытался этого достигнуть—погибалъ».

Давно, очень давно томится старикъ и находится, по большей части, въ оцѣпененіи, но когда пробуждается, то прежде всего обращается къ сторожамъ:

— Растетъ-ли на землѣ камышь и родятся ли агнята? спрашиваетъ онъ.

(*) О народныхъ праздникахъ и праздничныхъ обиховеніяхъ христіанскаго населенія за Кавказомъ. Г. Вердеревскій. Кавк. 1855 г. № 1. О бытѣ, нравѣхъ и обычаяхъ атыкскихъ племенъ. Шахъ бекъ-Мурвина. Кавказъ 1849 г. № 73. Новый годъ въ Ставроп. губерніи. Кавказъ. 1855 г. № 7. Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ. С. Броневскаго, ч. II изд. 1823.

— Камышь растеть и ягната редятся, отвѣчаютъ безжалостныя стражи.

Великанъ приходитъ въ бѣшенство, зная что будетъ томиться до тѣхъ поръ, пока земля не перестанеть производить камышь и ягнать. Съ отчаянія онъ рветъ на себѣ оковы, и тогда земля дрожить отъ его движеній; цѣпи его производять громъ и молнію; тяжелое дыханіе — порывы урагана; стоны — подземный гулъ; а слезы его — та бурная рѣка, которая съ неистовствомъ вырывается изъ подножія снѣжнаго Эльбруса (*).

Искреннее убѣжденіе въ существованіи различныхъ духовъ довело до того, что нѣкоторыя поколѣнія суевѣрнаго черкесскаго народа имѣли своихъ геніевъ—покровителей. Натухажцы избрали своимъ геніемъ—покровителемъ *Хакусташа*, считая его въ тоже время покровителемъ и домашнихъ пахатныхъ воловъ. Зажиточныя семейства, и до сихъ поръ, изъ числа своихъ воловъ посвящаютъ одного изъ этихъ животныхъ Хакусташу. Волъ этотъ не употребляется ни въ какую работу и носить названіе вола Хакусташа. Точно въ такомъ же почетѣ находился *Тупулогу* у поколѣнія надхо, и *Тупузита* у поколѣнія цетаха, принадлежащихъ къ натухажскому народу.

Среди суевѣрія черкесскаго народа особенно важную роль играли гадаальницы и колдуньи или вѣдьмы.

Гаданьемъ обыкновенно занимались старухи, къ помощи которыхъ чаще всего прибѣгали несчастные влюбленные. Въ такихъ случаяхъ гаданіе производилось на нѣсколькихъ зернахъ фасоли (турецкій бобъ), съ однимъ камешкомъ. Къ чести гадаальницъ надо сказать, что изъ своего знанія онѣ не дѣлали ремесла, а гадали только изъ одного желанія услужить тѣмъ, кто прибѣгалъ къ нимъ за утѣшеніемъ. Самое же употребительное гаданье между черкесами производилось по лопаткѣ убитаго домашняго животнаго. Всмотриваясь на свѣтъ въ эту кость, многіе, по замѣчаемымъ въ ней жилкамъ и лннїямъ, предсказывали: будетъ—ли урожай хорошій или дурной, будутъ ли дождь, засуха, голодъ, холодная зима или война; словомъ сказать, опытный гадаальникъ или гадаальница могли предсказать всевозможныя бѣдствія или общественныя благополучія. Къ гаданію прибѣгали также собираясь въ набѣгъ на русскіе предѣлы. Послѣ роскошнаго угощенія, предводитель партіи бралъ косточку

(*) О народныхъ правдникахъ и проч. Е. Вердеревскаго. Кавк. 1855 г. № 1. Мифологія черкесскихъ народовъ. Султанъ-ханъ-Гирей. Кавк. 1846 г. № 35. Закубанскій край въ 1864 г. П. Невскій. Кавказъ 1868 г. № 98.

челъ, бараній альчикъ, и бросалъ ее на полъ возлѣ камина. Если косточка падала гладкой поверхностью кверху, то это предвѣщало неблагопріятный исходъ предпріятію, и наоборотъ. Въ первомъ случаѣ, набѣгъ откладывался, а во второмъ тотчасъ же предпринимался. О предсказательной способности своихъ гадальщиковъ черкесы рассказываютъ чудеса, будто бы оправдывавшіяся на самомъ дѣлѣ. Такъ, по ихъ словамъ, одинъ изъ князей предсказалъ, что въ слѣдующую ночь необходимо быть готовымъ къ тревогѣ—и дѣйствительно аулъ въ ту же ночь былъ атакованъ непріателемъ; другой былъ въ гостяхъ и, посмотрѣвши въ лопатку, увидѣлъ въ ней, что жена его, пользуясь отсутствіемъ мужа, сидитъ съ постороннимъ мужчиною. Послѣшно осѣдлавъ коня, онъ поскакалъ домой; но когда сообщили объ этомъ его родному брату, бывшему среди гостей, тогда тотъ потребовалъ ту же самую лопатку.

— Братъ мой увидѣлъ, сказалъ онъ, посмотрѣвъ въ лопатку и улыбаясь, что съ женою его сидитъ наединѣ мужчина, но не разсмотрѣлъ, что мужчина этотъ родной младшій братъ ея.

Нарочно—посланные въ домъ гадальщиковъ, возвратившись, подтвердили справедливость сказапнаго.

Если, съ одной стороны, подобные гадальщики возбуждали удивленіе и уваженіе къ себѣ суевѣрнаго народа, то, съ другой стороны, черкесы жестоко преслѣдовали колдуновъ и вѣдьмъ. Такихъ людей они называли *удде*, признавали ихъ злыми и истребляющими своихъ собственныхъ дѣтей. Удде можетъ быть и мужчина и женщина; послѣднія бывають чаще. Они находятся въ сношеніи съ нечистымъ и могутъ послать на человѣка всякую невзгону. Изнурительныя дѣтскія болѣзни, зараза, падежъ скота и прочія несчастія приписывались дѣйствию дурнаго ихъ глаза. Поймать колдуна или колдунью на мѣстѣ преступленія не было возможности, потому что, по понятію черкеса, они, при помощи нечистаго духа, имѣють способность превращаться въ собаку, кошку, волковъ и даже дѣлаться невидимками.

Между черкесами, въ особенности у шапсуговъ, существовало повѣрье, что удде разъ въ годъ, весной, въ извѣстную ночь, собираются на вершинѣ высокой горы *Себеркуасха*, находящейся въ верховьяхъ рѣчки Убинъ, и пріѣзжаютъ туда верхомъ на животныхъ разнаго рода, какъ домашнихъ такъ и дикихъ. Шапсуги увѣрали, что сборъ вѣдьмъ и чертей на этой горѣ бывалъ каждую пятницу, въ двѣнадцать часовъ ночи. Отдавъ нечистому отчетъ въ своихъ поступкахъ, они проводили ночь въ ширештвахъ, пѣніи, пляскѣ, а съ

разсвѣтомъ, схвативъ мѣшки, изъ которыхъ въ однихъ заключались всѣ блага земныя, а въ другихъ все вредное человѣчеству, разлетались по домамъ своимъ. Такимъ образомъ всѣ болѣзни, которыми страдаетъ человѣчество весной, приписывались удамъ. Если бы не было на свѣтѣ «цымсю» (знахарь), то черкесы не знали бы какъ отдѣлаться отъ вѣдьмъ и кодуновъ. Цымсю, знахарь, имѣлъ способность узнавать чародѣевъ.

Чтобы снять болѣзнь, посланную вѣдьмой, призывали знахаря, который объявлялъ, что можетъ вылечить больного и снять съ него наговоръ вѣдьмы не прежде, какъ отыщеть самую вѣдьму и очищеніемъ снять съ нея свойство быть вѣдьмой и портить человѣчество. Ему представляли тотчасъ же всѣхъ лицъ подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ. По тщательномъ осмотрѣ обвиняемыхъ, знахарь указывалъ на виновныхъ и отпускалъ признанныхъ невинными. Обвиняемыхъ въ чародѣйствѣ, если они не признавались въ своемъ грѣхѣ, подвергали пыткамъ: зажигали въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга два костра, а иногда и три. Обличаемую жертву раздѣвали до-нага, связывали, сажали между пылающихъ костровъ и парили у огня. Знахарь, а иногда вмѣсто него и мулла, при стеченіи народа, допрашивалъ у него имена сорока чертей, съ которыми онъ, какъ обвиняемый въ чародѣйствѣ, долженъ быть въ сношеніи и союзѣ. Бѣдная жертва, терзаемая мученіями, сознавалась въ небываломъ преступленіи, и тогда приступали къ ея очищенію. Убивали совершенно черную, безъ всякихъ пятенъ и отиѣтовъ, собаку, вынимали изъ нея печень и, воткнувъ зажаренный кусокъ ея на вѣтку терновника, совали его въ ротъ мнимому чародѣю. Несмотря на крикъ жертвы и боль причиняемую терновникомъ, ее заставляли съѣсть это нелакомое блюдо, и тѣмъ же терновникомъ прочищали горло. Между тѣмъ, жареная печенка производила тошноту и рвоту, а народъ увѣрялъ, что чародѣй изрыгаетъ изъ своей внутренности все зло тамъ скрывающееся. Уничтоживъ, такимъ способомъ, у виновнаго всякую способность къ чарамъ, и взявъ съ него клятву навсегда бросить сношенія съ нечистымъ духомъ, его освобождали. Впрочемъ, чародѣйная сила могла опять проявиться у такого чародѣя, если онъ, въ теченіе тридцати дней послѣ очищенія, успѣвалъ украдкою съѣсть куриное яйцо или куриное мясо, а потому народъ весьма строго слѣдилъ за этимъ тридцатидневнымъ карантинномъ (*).

(*) Върванія, религиозные обряды и предрасудки у черкесовъ. Л. Дюлье. Зап. Кавк. отд. им. рус. геогр. общес. книга V. Этнограф. очеркъ черкесскаго народа

Точно также поступали черкесы и тогда, когда полагали, что свирѣпствующая повальная болѣзнь въ околосѣ причинена колдунами или вѣдьмами. Составлялась инвизиціонная комиссія, которая переходила изъ аула въ аулъ, отыскивая вѣдьмъ и колдуновъ—виновниковъ болѣзни. Предводителями такихъ комиссій служили *цымлю*, или какая-нибудь старуха, которая была сама въ подобной передѣлѣ и нѣкогда обвинялась въ чародѣйствѣ. Поводивъ толпу изъ одного аула въ другой, предводитель или предводительница указывали по большей части на какое-нибудь уединенное мѣсто, гдѣ, по ихъ мнѣнію, спрятаны были чарующіе предметы, которые служили причиною несчастій и болѣзни. Такой предметъ отыскивали: онъ состоялъ преимущественно изъ разноцвѣтныхъ нитокъ, связанныхъ въ узелки, и тогда совѣтовали предостерегаться отъ нихъ. Народъ успокоивался.

Однимъ изъ самыхъ слабыхъ проявленій колдовства черкесы признавали порчу отъ дурного глаза. Народъ утверждалъ, что есть цѣлыя семейства, у которыхъ дурной глазъ переходитъ по наследству, изъ одного поколѣнія въ другое. Въ предохраненіе отъ столь вреднаго дѣйствія они носили на себѣ, надѣвали на дѣтей, и привязывали къ уздамъ любимыхъ лошадей стихи изъ корана, или завернутый въ тряпочку кусокъ дерева, въ которое ударила молнія.

Въ заключеніе всего сказаннаго о суевѣріи черкесскаго народа, нельзя не упомянуть о томъ страхѣ, который успѣли внушить народу мудлы относительно картинъ всякаго рода, въ особенности портретовъ, и вообще изображенія человѣческихъ фигуръ. Очерки животныхъ, цвѣтовъ и разнаго рода видовъ черкесы еще переносили, но какъ только увидать запрещенные кораномъ *суреты*—какъ они называютъ картины—съ изображеніемъ фигуры человѣка, такъ тотчасъ же старались соскоблить или замазать ихъ (*).

— Откуда берешь ты смѣлость, сказалъ однажды черкесъ своему русскому плѣнному, такъ сходно изображать человѣка, созданнаго по подобію Аллаха? Души ты не можешь вѣдь дать твоему изображенію. Смотри, когда ты умрешь, на томъ свѣтѣ твои суреты отнимутъ у тебя покой, требуя для себя безсмертной души; а отсюда ты ее возьмешь?..

Никто изъ русскихъ не обращалъ, съ такимъ успѣхомъ, въ свою пользу суевѣрія черкесовъ, какъ генералъ Г. Х. Зассъ. Человѣкъ ха-

барона Сталя (рукопись). Остатки христіанства и проч. Іоана Хаарова. Кавк. 1846 г. № 42. Эпизодъ изъ жизни шалсуговъ. А. Ржондовскій. Кавк. 1867 г. № 70. Басейвъ Псекупса. Николай Каменевъ. Кубанс. вѣдом. 1867 г. № 49.

(*) Воспоминанія кавказскаго офицера. „Русскій Вѣст.“ 1864 г. № 11.

рагтера твердаго и веселаго, вѣрный данному слову, всегда шутили съ горцами, Зассъ пользовался уваженіемъ черкесовъ, которые чтли въ немъ истинно-рыцарскую храбрость. Черкесы звали его *шайтаномъ* (чертомъ), за тѣ штуки и фокусы, которыя Зассъ имъ показывалъ. При помощи волшебныхъ зеркалъ, панорамы, электрической машины, музыкальной табакерки и прочихъ вещей, онъ сильно дѣйствовалъ на воображеніе горцевъ и извлекалъ изъ того значительную для себя пользу.

Когда являлись къ нему почетные гости изъ непокорныхъ племенъ; то, принимая ихъ у себя, Зассъ подражалъ ихъ обычаямъ. Посѣщая Засса, почетные князья и уздени снимали шапки, пистолеты, и все это вляли въ залъ на столъ; ружья обязаны были сдать своимъ оруженосцамъ, при входѣ въ комнату. Нѣсколькимъ офицерамъ поручалось вынуть незамѣтно пули изъ пистолетовъ и передать ихъ Зассу. Послѣ окончанія переговоровъ о дѣлѣ, завязывался разговоръ о молодечествѣ горскихъ наѣздниковъ, мѣткости ихъ стрѣльбы и проч.

— Для чего вы носите за поясомъ пистолеты? неожиданно сирашивалъ Зассъ.—Вы изъ нихъ не попадете въ цѣль и на десять шаговъ.

Озадаченные такимъ вопросомъ и мнѣніемъ о нихъ, горцы начинаютъ разувѣрять въ несправедливости такого мнѣнія; говорятъ, что они стрѣляютъ изъ пистолетовъ такъ же хорошо, какъ и изъ ружей. Зассъ предлагаетъ одному изъ нихъ взять свой пистолетъ и выстрѣливъ въ него, посмотреть: попадетъ-ли пуля или нѣтъ? Улыбка и недовѣріе выражаются на лицахъ гостей, и, конечно, никто не рѣшается сдѣлать выстрѣлъ. Тогда Зассъ выставляетъ свою обложенную серебромъ шапку и проситъ попасть въ нее. Слѣдуетъ выстрѣлъ... шапка на мѣстѣ... она цѣла, а незамѣтно брошенная пуля катится къ ногамъ стрѣлявшаго; тотъ поднимаетъ и, видя, что пуля его, приходитъ въ ужасъ.... Затѣмъ стрѣляетъ другой, и съ нимъ то же, потомъ третій и т. д.

Суевѣрные горцы приходятъ въ недоумѣніе и необъятный страхъ. Чтобы окончательно поразить своихъ гостей, Зассъ рассказываетъ имъ о своей чародѣйской силѣ, и такъ отпускаетъ гостей, которые убѣждаются, что этотъ человекъ водится съ чертями. Всѣ эти штуки, повидимому ничтожныя, имѣли на горцевъ огромное моральное вліяніе и за нихъ—то они прозвали Засса *шайтаномъ*—чертомъ.

Однажды, желая вознаградить своего лазутчика, генералъ поло-

жилъ двѣнадцать червонцевъ въ пакетобразную бумагу, въ которой, съ другой стороны, была оставлена пустота.

— Момтали!—такъ звали лазутчика—говорить Зассъ въ присутствіи многихъ постороннихъ горцевъ: я бы желалъ наградить тебя зомотыми деньгами, да нѣтъ ихъ. Впрочемъ, я поговорю и поведу съ невидимымъ чародѣемъ, который все для меня дѣлаетъ; можетъ быть изъ твоего пороха я успѣю сдѣлать золото. Достань свой патронъ и насыпь въ эту бумажку немного зеренъ.

Завернувъ тщательно бумажку, Зассъ приказалъ Момтали дуть на бумажку безъ перерыва.

— Довольно! сказалъ Зассъ, ты уже перевелъ духъ, но успѣлъ впрочемъ дунуть двѣнадцать разъ.

Положивъ бумагу на столъ и тщательно развернувъ ее, Зассъ показалъ всѣмъ присутствовавшимъ блестящіе червонцы. Всѣ пришли въ ужасъ.... никто не хотѣлъ дотрогиваться до печистаго золота, но потому любопытство пересилило, каждый бралъ червонцы въ руки, пробовалъ ихъ ножичкомъ, звонилъ полова на ноготь—все увѣряло ихъ, что они дѣйствительно золотые. Быстро разнеслась по горамъ молва, что шайтанъ Зассъ изъ пороха дѣлаетъ золото. Услыхавшій объ этомъ темирговскій князь Шерлетуко потребовалъ къ себѣ Момтали и, выслушавъ его разсказъ, осмотрѣлъ червонцы. Вскочивъ на коня, князь поскакалъ къ Зассу.

— Я видѣлъ, говорилъ князь генералу, сдѣланное тобою изъ пороха золото; умоляю тебя, научи меня этому искусству—я не боюсь чертей. Возьми моихъ женъ, дѣтей, все имущество, только ради Аллаха не откажи.

Трудно было отговориться отъ настойчивой просьбы отуманенаго горскаго князя, важнаго по своему положенію; нужно было прибѣгнуть къ вліянію на это дѣло небесныхъ планетъ и единственнаго времени въ году. Спустя ровно годъ, Шерлетуко не забылъ сказаннаго Зассомъ времени, въ которое можно дѣлать золото, и пріѣхалъ опять съ тою же просьбою; но и на этотъ разъ Зассъ отговорился разною небылицею.

Всѣ подобныя шутки приносили Зассу большую пользу; вліяніе его на горцевъ, и въ особенности на абадзеховъ, было самое сильное. Одни заискивали его расположенія, другіе искали его дружбы, и всѣ страшились его храбрости и разорительныхъ набѣговъ. Слава Засса гремѣла за горами. Шапсуги и убыхи часто пріѣзжали въ Прочно—Овопскую крѣпость, чтобы познакомиться съ нимъ.

При наступленіи каждаго лѣта, когда начинались полевья работы

абадзехи, страшась засовсѣихъ набѣговъ, принимали всю военную осторожность. Старшины же, отъ имени народа, прїѣзжали въ Прочный-Оюпъ для переговоровъ о мирѣ. Тутъ постоянно являлись разныя дипломатическія недоразумѣнія относительно условій мира. Всегда выходило такъ, что абадзехи не уполномочили достаточно своихъ старшинъ и имъ необходимо было возвратиться, для того, чтобы спросить народъ и рѣшеніе у главнаго совѣта; словомъ, старались вести дѣло такъ, чтобы протянуть время, успѣть собрать съ полей хлѣбъ, свезти его въ лѣсистыя ущелья и тогда прекратить переговоры. Зассъ прикидывался непонимающимъ хитрости абадзеховъ, давалъ слово, что не будетъ дѣлать набѣговъ, а самъ распускалъ казаковъ для уборки ихъ полей и сѣнокоса. Какъ только казаки кончали свои полевые работы, тогда объявлялось немедленно, что всѣ переговоры съ абадзехами прекращаются, какъ съ людьми нетвердыми въ своемъ словѣ; что Зассъ болѣе старшинъ къ себѣ не принимаетъ, а постарается ихъ, за ложь и обманъ, наказать примѣрно. Въ разныхъ пунктахъ собирается отрядъ, стягивается къ сборному пункту и, дождавшись прибытія лазутчиковъ, отправляется за рѣку Лабу.

Во время подобныхъ набѣговъ снимались разные виды ауловъ и ихъ окрестностей; изъ этихъ картинъ Зассъ сдѣлалъ себѣ панораму и пользовался ею при переговорахъ о мирѣ съ абадзехскими старшинами. Упрекая ихъ въ неискренности, онъ сильно дѣйствовалъ на ихъ воображеніе.

— Я знаю вашу мысль, говорилъ онъ старшинамъ, и знаю чего вы желаете, даже знаю что дѣлается у васъ въ аулахъ, кто теперь дома и кого нѣтъ. Хотите-ли я покажу вамъ абадзехскій аулъ, на примѣръ, хоть-бы аулъ старшины Мисербія?...

Зассъ зналъ отъ лазутчика, что Мисербія нѣтъ дома.

— Кстати, продолжалъ онъ: вы говорите, что Мисербій дома, а на мой вопросъ въ аулѣ отвѣтили, что его нѣтъ дома... Я знаю все, что у васъ дѣлается.

За картиною сидѣлъ переводчикъ, который обязанъ былъ отвѣчать на всѣ вопросы. Абадзеховъ подвели къ стеклу, врѣзанному въ дверь небольшой комнаты; картина была освѣщена и представляла большой видъ аула. Когда абадзехи взглянули одинъ за другимъ въ стекло и увидѣли аулъ Мисербія съ его окрестностями, то удивленію ихъ не было предѣловъ.

— Посмотрите, говорилъ одинъ изъ смотрѣвшихъ, даже и живыя мухи лезять по стѣнамъ сакли.

Зассъ предложилъ старшинѣ Шемонокову спросить: дома-ли Ми-сербій? Шемоноковъ подошелъ къ стеклу, посмотрѣлъ еще разъ и спросилъ.

— Мисербія дома нѣтъ, онъ уѣхалъ къ такому-то, отвѣтилъ глухой голосъ.

Абадзехи окончательно растерялись и, несмотря ни на какія просьбы, не соглашались болѣе смотрѣть въ стекло, говоря, что только одни черги могутъ переносить ихъ аулы на показъ Зассу.

— Отъ того-то онъ врасплохъ и нападаетъ на наши сборища и аулы, говорили абадзехи: онъ видитъ, гдѣ есть наши караулы и гдѣ ихъ нѣтъ.

Зассъ всѣми силами старался поддерживать такой суевѣрный страхъ и достигъ того, что абадзехи стали переносить свои аулы подальше отъ кордона, съ тою цѣлю, чтобы русскому отряду не было возможности достигнуть до нихъ въ двѣ ночи и самимъ имѣть время приготовиться для его встрѣчи. Повсюду абадзехи выставляли дневные пикеты и ночные секреты и бдительность ихъ простиралась до того, что необходимо было прибѣгнуть къ хитрости, чтобы усыпить ихъ бдительность.

Въ началѣ 1838 года, желая наказать два аула за обманъ, Зассъ предписалъ начальникамъ частей, предназначенныхъ въ составъ отряда, двинуться въ станицу Усть-Лабу, но проходить туда не пограничными, а внутренними станицами. Пѣхота получила приказаніе слѣдовать поротно, переходить изъ станицы въ станицу по ночамъ и остановиться въ усть-лабинскомъ форштадтѣ. Самъ генералъ Зассъ объявилъ себя больнымъ.

Мнимая болѣзнь его такъ быстро развивалась, что онъ допускалъ къ себѣ только самыхъ близкихъ изъ горскихъ князей и узденей. Посѣщавшіе больного видѣли его въ постелѣ, въ полуосвѣщенной комнатѣ, блѣднаго, отъ искусно-наведенныхъ бѣлилъ, мечущагося изъ стороны въ сторону и говорящаго несвязныя рѣчи, переводимыя горцамъ черезъ переводчика. Всѣ окружавшія генерала лица ходили тихо, съ грустнымъ выраженіемъ лица, и посѣтители допускались только на самое короткое время.

Извѣстіе о томъ, что Зассъ сильно боленъ горячкою, быстро распространилось по горамъ. Абадзехи сдѣлали немедленно сборъ, на которомъ, выбравъ одного изъ самыхъ достойныхъ и уважаемыхъ своихъ товарищей, Унарукова, послали его тайкомъ вывѣдать всю истину и немедленно сообщить обо всемъ народу. Когда Унаруковъ явился въ одинъ изъ мирныхъ ауловъ на Кубани, то Зассъ

лежалъ только что умершимъ. Въ комнату внесень былъ гробъ, въ домъ суетились, охали, вздыхали, и когда появлялись тѣ изъ горцевъ, которымъ нужно было показать Засса, то ихъ вводили въ полуразтворенную дверь. Зассъ лежалъ покрытымъ простынею въ видѣ савана, готовый для положенія во гробъ. Три восковыя свѣчи тускло горѣли надъ его изголовьемъ, и убранный гробъ стоялъ тутъ же.

«Мы всѣ знали о мнимой смерти Засса, говоритъ авторъ записокъ (*); но, увидя его лежавшаго съ закрытыми глазами, вытянутыми и съ сложенными на груди руками, сами стали сомнѣваться въ подложной его смерти. Одинъ изъ насъ, бывшихъ въ то время при Зассѣ, молодой казачій офицеръ, только что поднявшійся отъ лихорадочной болѣзни, не выдержалъ и громко зарыдалъ, такъ что чуть-было не испортилъ всего дѣла. Мы его вывели почти въ истерическомъ припадкѣ, а съ нимъ и кунаковъ, что ихъ еще болѣе укрѣпило въ истинной смерти Засса. Провожая горцевъ, сказали имъ, чтобы они предъувѣдомили всѣхъ близкихъ генералу друзей и знакомыхъ о смерти его и чтобы никто не ѣздилъ въ крѣпость дня два, потому что мы займемся, по нашей религiи, приготовленiемъ къ погребенiю покойнаго, для чего ожидаемъ изъ Ставрополя другаго генерала».

— Когда все будетъ готово, говорили провожавшіе горцевъ, тогда извѣстимъ всѣхъ васъ, чтобы вы пріѣхали къ печальному церемонiалу.

Комедiя была разыграна какъ нельзя лучше. Зассъ всталъ и самъ смѣялся надъ своимъ притворствомъ. Горцы, вернувшись въ свои аулы, рассказывали всѣмъ о видѣнномъ, а Унаруковъ, лично удостовѣрившійся въ смерти Засса, какъ сумасшедшій полетѣлъ съ этимъ извѣстiемъ за рѣку Бѣлую.

Сборище приняло Унарукова съ распростертыми объятiями и сдѣлало ему приличные подарки. Абадзехи закалывали скотъ и барановъ для пиршества, радуясь смерти Засса и избавленiю отъ *шайтана*.

Дождавшись ночи, Зассъ сѣлъ на перекладную и отправился въ Усть-Лабу, гдѣ передневалъ. Къ вечеру, при закатѣ солнца, собрался отрядъ, переправился сначала за р. Лабу, потомъ за р. Бѣлую и на разсвѣтѣ, совершенно врасплохъ, захватилъ одновременно оба аула, лежавшіе одинъ отъ другаго въ недалекомъ разстоянiи. Повсемѣстная тревога поднялась только тогда, когда отрядъ, окончивъ дѣло и захвативъ плѣнныхъ, скотъ, имущество и предавъ аулы пламени, отступалъ.

(*) Выдержки изъ записокъ о Г. Х. Зассѣ (рукопись).

Извѣстіе о разграбленіи ауловъ, достигшее до пировавшаго на-канунѣ сборища абадзеховъ, поразило ихъ какъ громомъ. Долго абадзехи не хотѣли вѣрить, чтобы умершій Зассъ могъ опять явиться къ нимъ, но орудійные выстрѣлы подтверждали печальное извѣстіе. Все сборище бросилось догонять отрядъ, но было уже поздно: онъ былъ на переправѣ р. Бѣлой и часть передовыхъ войскъ заняла уже правый ея берегъ. Абадзехи поглялись или умереть, или покончить съ отрядомъ и не допустить самого шайтана Засса переправиться черезъ рѣку съ остальными войсками. Съ необыкновенною яростію напали они на отрядъ и жаркое дѣло это стоило большихъ потерь, понесенныхъ обѣими сторонами. Самъ Зассъ былъ раненъ въ упоръ изъ пистолета; пуля попала въ ногу, слегка повредила кость и впи-лась въ сѣдло.

По окончаніи дѣла, абадзехи, узнавъ что Зассъ раненъ, просили позволенія пріѣхать въ лагерь. Раны, полученные въ бою, считаются большою честью, а потому въ подобныхъ случаяхъ всѣ князья и дворяне пріѣзжали поздравлять Засса, какъ съ какимъ-нибудь тор-жествомъ.

— Воскресеніе твое изъ мертвыхъ, говорили пріѣхавшіе стар-шины, было слишкомъ ощутительно для насъ. Мы не сердимся на тебя, насъ глушихъ такъ и слѣдовало проучить, во-первыхъ, чтобы не довѣрялись слуху, а во-вторыхъ, чтобы не радовались чужой смерти. Предупреждаемъ же тебя, что мы постараемся отплатить тебѣ тѣмъ же.

— Повремените съ мѣсяць, отвѣчалъ имъ Зассъ, а то я, ране-ный, не въ силахъ буду самъ достойно принять васъ у себя.

Гости улыгнулись, но исполнили просьбу. Осенью они собрались въ значительномъ числѣ, съ намѣреніемъ напасть на станицы Усть-Лабинскую или Воронежскую. Въ историческомъ разсказѣ; мы бу-демъ имѣть случай ближе познакомиться съ замѣчательною личностію генерала Засса, а теперь должны сказать только, что шуточками, фокусами и разными дѣйствіями, поражавшими суевѣрный народъ, Зассъ достигъ того, что непокорныя племена, постоянно отдаляясь отъ нашего кордона, мало по-малу переселились за р. Бѣлую. Это переселеніе дало возможность перенести кубанскую кордонную линію на р. Лабу, и дать лучший оборотъ дѣйствіямъ нашимъ на правомъ флангѣ кавказской линіи....

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе будетъ).